

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ

ДЯЧЕНКО

АВАНТЮРИСТ

ФЭНТЕЗИ

Скитальцы

Марина и Сергей Дяченко

Авантюрист

«Автор»

2000

Дяченко М.

Авантюрист / М. Дяченко — «Автор», 2000 — (Скитальцы)

Он виновен и осужден, он знает дату своей смерти. Сумеет ли Ретано Рекотарс отменить приговор? Успеет ли прожить жизнь за один год? Настоящую человеческую жизнь?

© Дяченко М., 2000

© Автор, 2000

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	38
ГЛАВА 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина и Сергей Дяченко

Авантюрист

ПРОЛОГ

Он мерз.

В затерянной среди снегов избушке не горел ни один огонь; на месте камина темнела свежая каменная кладка. Он сидел, надвинув на уши шерстяную шапочку, и ждал восхода луны.

Маленькое окошко светлело толстой коркой изморози – его смерзшимся дыханием.

Вой ветра в бесполезной каминной трубе. Далекий вой волков.

Он был один посреди снежной пустыни, посреди белого леса, посреди вымерзшего мира; он был одинок, ему было холодно, он мечтал согреться.

Наконец белый лунный луч лег на окошко снаружи. Холодные узоры обрели форму и объем; по мере того как луна поднималась выше, ледяная картина оживала и менялась.

Паутина едва различимых черточек. Цветные ленты, тугие, как змеи; белые ветви мертвых деревьев. Белая шерсть несуществующих зверей. Тяжелые, полные снега колосья.

Он сощурил слезящиеся глаза. Звуки, отдаленные голоса, тени...

Лица. Смыкающаяся трава. Топор, падающий на пустую плаху; хохочущая толпа, струйка песка, бегущая по ступеням, золотой блеск...

Он подался вперед.

Золотая пластинка с фигурной прорезью. Желтый металл, покрытый многими слоями могущества; подобно снежному кому, наворачивающему на себя один пласт снега за другим, подобно куску хлеба, одетому в масло, и в мед, и в сыр...

Золотая пластинка, вырастающая до размеров колоссальной двери. Прорезь, обернувшаяся высоким проемом; в проеме замерла человеческая фигура.

Сизый младенец в колыбели. Голый младенец с тремя пуповинами вместо одной.

Три лица. Одно постарше, другое помоложе и третье, смазанное, будто занесенное песком. Три женщины.

Три нити. Три корня. Три дороги.

Он подался вперед.

Луна погасла, съеденная случайной тучей; танец теней на стекле оборвался. Натянув поглубже шерстяную шапочку, он откинулся на спинку кресла, в изнеможении закрыл глаза.

Пусть он не знает, где искать, – но сегодня ему впервые открылся предмет его поисков...

За мутными стеклами жил своей жизнью заснеженный лес, и металось между нагими стволами голое, замерзшее эхо далекого воя волков. А потом пришел другой звук, негромкий и мирный, который был в то же время невозможным и пугающим.

В окошко стукнули. С той стороны.

Он вздрогнул. На белом непрозрачном стекле лежала тень.

Случайный путник? Среди ночи? Среди леса? Здесь?..

– Слышишь меня?

Голос не был ни простуженным, ни усталым, ни напуганным.

– Ты уверен, что оно того стоит? Что ЭТО тебе нужно?

Сквозь слой инея понемногу проступали черты лица. Оттуда, снаружи, глядел сухощавый старик с нехорошими, пристальными глазами.

– Ты уверен, что следует братья?..

– Надо мной нет твоей власти, Скиталец, – глухо сказал человек в шерстяной шапочке.

– Ты уверен?..

Страх им владел или другое чувство, но, нашарив в темноте палку, он с нешироким замахом опустил ее на заиндевшее стекло.

Со звоном разлетелись осколки. Кинулся в лицо ледяной ветер; за окном был лес и была ночь, и еще гладкий нетронутый снег, белая скатерть, давно не помнящая человеческих следов.

Тогда он стянул свою шапочку, обнажив крупный, совершенно голый череп. Тщательно вытер холодный пот со лба.

Ветер швырнул пригоршню снега в разбитое окно.

Он мерз. Невыносимо. Нечеловечески.

ГЛАВА 1

Сырые стенки пахли гниющей ветошью, и факел тюремщика мерцал где-то совсем уж высоко, когда он – тюремщик, а не факел – изрек с претензией на торжественность:

– Невинные, будьте спокойны, ибо Судья подтвердит вашу невинность! Виновные, перере... тре-пешите, ибо Судья перере... про-зрит ваши души до глубины замыслов и покарает нещадно!

Слова были заученные, а голос такой сиплый и испитой, что даже здесь, на дне каменного мешка, мне померещился сивушный запах из недр вещающей глотки.

– Да свершится правосудие! – провозгласил тюремщик со значением. Постоял немного, любуясь нашими запрокинутыми лицами, а потом залезал затворами, заскрипел лебедкой – и захлопнул над Судной камерой железную крышку. Будто суповую кастрюлю накрыл.

– Светлое Небо, спаси, защити, – застонал в темноте воришка. – Ой, больше не буду, ни пальчиком, ни грошика не возьму, только помилуй, ой...

Прочие молчали.

Молчал одноглазый разбойник, пойманный в лесу много месяцев назад и дожидавшийся Судной ночи чуть не полгода. Молчал старик, такой благообразный с виду, что хоть сахаром посыпай, а обвиненный, между прочим, в изнасиловании и убийстве девчонки-работницы. И единственная в камере женщина молчала тоже – я не знал толком, за что ее спустили в эту яму.

– Спаси, светлое Небо... Я больше не буду... – хныкал воришка.

Глаза понемногу привыкали к темноте. Старик стучал, как дятел, пытаясь добыть искру из своего огня. Разбойник сопел. Густой воздух стоял в камере, будто смола в ведре – неподвижно, ни дуновения, ни сквознячка, я подумал, что скоро утоплюсь в этих ароматах, – сырость, гниющая ветошь, разбойник смердит, от дамочки несет немытым телом пополам со сладкими духами, та еще, наверное, штучка...

Запахи стекались и стелились на каменный пол. Ведя рукой по стене, я нашел дальний угол и, не решаясь сесть, прислонился к волглой стене.

– Здесь свечи! – радостно сообщил старикашка. – Уголком прилеплены... Посмотрите, господин, а в том углу свечечек нету?

«Господин» – это, вероятно, ко мне.

– Гордые они, – сухо сообщила женщина. – С нами, черню, не разговаривают... А вот как придет Судья, как впарит им по самую макушку!

Воришка застонал громче. Кто-то – похоже, разбойник – взял на себя труд ткнуть его кулаком в ребра. Стон моментально иссяк.

– Язычок придержала бы, – мягко порекомендовал разбойник женщине. – Тебе, думаешь, не впарит?

– Я невиновна, – с достоинством заявила узница. – Мне-то что, мне бояться нечего...

– А я на базаре кошелек спер, – трагическим шепотом признался воришка. – И гуся... на той неделе... спер и продал... и цепочку... у толстобрюхого... вытащил...

Одна за другой загорелись две свечи. И как-то сразу стало тесно – будто каменные, тускло поблескивающие стены сделали по шагу вперед. А железный потолок – суповая крышка – опустился, намереваясь лечь нам на головы.

– А коли невиновна, – разбойник прищурил свой единственный черный глаз, – так зачем под Суд угодила?

– Этим заразам лишь бы людей хватать. – Женщина, оказавшаяся средних лет шлюхой, высокомерно повела плечом. – Судья разберется.

– Разберется, – со зловещей ухмылкой подтвердил разбойник. Воришка заплакал, перечисляя свои прегрешения:

– И в прошлом году... из повозки... два мешка... и на базаре... опять-таки кошелек... и купцу... и у мамыши...

Он был худой и остроносый, ему было лет шестнадцать, и, раз встав на путь покаяния, он не мог уже остановиться. Его воспоминания углублялись все дальше и дальше в детство – скоро он помянет леденец, украденный у младшей сестры в возрасте пяти лет...

– Господа. – Старичок кашлянул. – Я, может быть, не вовремя... но, собственно... Правосудие не есть дело призраков. Что, собственно, господин Судья может...

– Помолчал бы. – В голосе разбойника явственно скользнуло отчаяние. – Попался – так помолчи...

Старикашка упрямо поджал бесцветные губки.

– Я, господа, говорил со стражей... Самый грубый мужлан разговорится, если подобрать к нему подход... И господа тюремщики признались, что за все время... лет двадцать... ни разу не было случая, чтобы... в этой камере что-нибудь такое случилось. Все, кто вошел в нее с вечера, утром выходят живы-здоровехоньки и идут на четыре стороны... То есть было однажды, лет пять назад, когда кого-то удар хватил со страху, – так, господа, удар где угодно может хватить, особенно если пугливый...

– До седых волос дожил, – укоризненно вздохнула женщина. – Седину развесил, а не знаешь, что Судья...

И запнулась. Мне сперва показалось, что это разбойник как-то по-особенному на нее посмотрел, – но нет, разбойник глядел в пол, тем не менее женщина замолчала, будто поперхнувшись, и даже запах сладких духов потерял уверенность и ослабел. Или мне померещилось?..

Р-рогатая судьба. Неужели этот старикашка и впрямь кого-то задушил?..

– Молодой господин, – старичок поймал мой взгляд и прижал кулачки к сердцу, – вот вы, как человек приличный и, без сомнения, образованный... Могут ли призраки сколько-нибудь вмешиваться в людские дела? То есть, конечно, они могут пророчить и всякое такое, но правосудие, как мне кажется, настолько человеческое занятие...

– Ты девку порешил или нет? – угрюмо поинтересовался разбойник. – Ежели нет, то дело другое... а вот если...

Старичок возмущенно вскинул брови, но этого ему показалось недостаточно, тогда он всплеснул руками и замотал головой, всем своим видом показывая, насколько глупы и беспочвенны подобные обвинения. Женщина мрачно усмехнулась:

– А коли невинный... Чего ерзаешь?

– Я не с вами беседую, – обиделся старичок.

Он думал, что беседует со мной. И напрасно – потому что я с ним разговаривать не желал.

Я устал. Тюрьма с вонючими тюфяками... Я не решался к ним притронуться и спал на голой лавке, а соседям по камере не надо было другого удовольствия, кроме как изловить на себе вошь и переправить мне под рубашку. Им казалось забавным, что я боюсь вшей...

А ведь прошла всего неделя. Подумать только, меня могли бы схватить еще два месяца назад, и я просидел бы эти два месяца, и три, и четыре просидел бы в ожидании Судной ночи, как вот этот разбойник, и завел бы со вшами дружбу, они бы у меня хороводы водили на ладошке...

Хорошо, что в Судной камере нету тюфяков.

А бежать из башни, как говорят, невозможно. Потому что подъемный мост чуть не обваливается под тяжестью круглосуточной стражи, а в обводном рву они вывели какую-то гадкую тварь, ни за какие коврижки не стал бы я плавать в этом рву...

Рогатая судьба.

– Молодой господин... – Старикашка понимающе улыбнулся. – Человека приличного все это должно страшно удручать... Меня, например, удручает – сырость, вонь... Но на самом деле нам неслыханно повезло. Уже завтра мы будем свободны как птицы.

Воришка всхлипнул:

– А Судья?

Старичок тонко улыбнулся. Это была покровительственная улыбка человека, который знает больше других.

– Поутру нас отпустят. – Тонкая стариковская рука по-отечески легла на воришкин затылок. – Не хнычь, малый. Без того сыро.

Женщина фыркнула. Разбойник молчал.

И во всей башне стояла тишина; вероятно, стражники на стенах ходили на цыпочках, обмотав сапоги тряпками. И дежурные на мосту переглядывались, прикрывая ладонями огоньки фонарей: тс-с... Судная ночь...

Я все-таки не выдержал и опустился на холодный пол. Сел, подобрав под себя ноги. Привалился спиной к стене.

Скорей бы. Что бы там ни было – хорошо бы процедуре поскорее закончиться... Конечно, если в полночь в стене откроется потайной ход, и оттуда выберется наряженный призраком начальник стражи... Было бы забавно, но почему-то не верится. Не так просто.

В камере становилось все холоднее. Притихший воришка жался к старику, с другой стороны норвила подсесть женщина, она хоть и заявила вслух о своей невиновности, но тряслась все больше, и не от одного только озноба. Разбойник пока держался в стороне – но все мрачнел и мрачнел и время от времени оглядывал камеру, и тогда я встречался с ним взглядом.

Разбойник не верил стариковым благодушным заверениям. Разбойник знал за собой много такого, за что не то что Судья – распоследний деревенский староста без трепета душевного отправит на виселицу.

– Лучше бы просто вздернули.

От звука его голоса я вздрогнул. Мы, оказывается, думали об одном и том же.

– Лучше бы просто вздернули, – упрямо повторил разбойник, глядя мимо меня. – Судили бы... за что знают... а так – сразу за ВСЕ...

Он вздохнул; от этого вздоха заколебались огоньки свечей. Воришка всхлипнул снова, женщина пожевала губами, в стариковых глазах промелькнуло беспокойство – и тут же исчезло, сменившись терпеливой усмешкой:

– Никто про тебя столько не знает, сколько ты знаешь сам... И ничего? Не судишь? Живешь?

Я стиснул пальцы. В каменном мешке было холодно. Очень холодно. Очень.

Меня зовут Ретанаар Рекотарс. Неделью назад я произнес это имя в лица арестовавших меня людей. И потом еще раз произнес – в тесной судейской конторе. Мне казалось, что этого достаточно, – и потому все остальное время я молчал. Не раскрывал рта – последняя гордость отпрыска семьи Рекотарсов...

Этим простолюдинам мое имя не сказало ничего. Ничегошеньки; они равнодушно изучили мои документы, и всякий раз, когда грязные пальцы касались Грамоты, мне казалось, что ошупывают меня самого.

Что? Великий Маг Дамир, от которого берет начало славный род Рекотарсов? Что? Барон Химециус? Закорючки на старой бумаге, а ведь мои тюремщики едва умели читать...

Я молчал в ответ на вздорные обвинения. Я молчал, когда меня подселили в камеру ко вшивым бродягам. Когда меня вели на Суд, я молчал тоже...

А теперь, в холоде и ожидании этой ночи, мне показалось, что, если мой язык не развяжется, слова найдут себе другую дорогу. Полежут, в лучшем случае, из ушей.

– А что же, – спросил я чужим хриплым голосом, – кому Судья приговор объявляет? Приговоренным? Чтобы они, надо полагать, своим ходом к палачу бежали и приговор ему на ушко повторяли, так?

Никто не удивился моей внезапной болтливости. Разбойник втянул голову в плечи – этот куриный жест никак не вязался с его мощным телосложением, одиноким глазом и черной бородой.

– Судья – он сам по себе и палач. – Женщина нервно огляделась, как до того оглядывался разбойник. – Он как присудит – так и будет, это уж точно... Донесли на меня, будто я того купца отравила. А не травила я, его удар хватил, я только денежки потом пособирала...

Она прикусила губу и повторила жест разбойника – втянула голову в плечи. Я поймал себя на смутном желании сделать то же самое.

– А вас, молодой господин, в чем обвиняют?

Простой и доброжелательный вопрос. Еще не дослушав его до конца, я обнаружил вдруг, что мой подбородок надменно вздернут.

Старикашка смутился:

– Ни-ни... Я не хотел, что вы...

– Судья сразу увидит, что я невиновная, – быстро сообщила женщина. – Нет моей вины в его смерти, нет, нет!..

– Не болтай, – мягко посоветовал старикашка. – Разве есть доказательства, что ты травила? Яд у тебя нашли? Или у того покойника в животе яд отыскиали? Или кто-то видел, как ты травила его, а?

Женщина мотнула головой.

– Доказательства! – Старикашка воздел тонкий длинный палец. – Если доказательств никаких нет...

– Дурак! – шипло прошептал разбойник. – Судья... Он...

Женщина открыла рот, чтобы что-то сказать, но осеклась. И все замолчали, как по команде; в Судной камере воцарилась тишина, огоньки свечей некоторое время стояли неподвижно и остро, и я почувствовал, как по коже подирает мороз.

Кажется, наверху скрежетнула лебедка. Тюремщик?

Железная крышка лежала грузно, дышать становилась все труднее, они уморят нас как крыс, может быть, в этом и заключается справедливость Судной ночи?!

– Тихо, – прошептал разбойник, хотя все и так сидели, затаив дыхание. – Тихо... Тихо...

Рядом с моим лицом ползла по мокрому камню седая мокрица с прозрачным брюхом.

Язычки свечей дрогнули. Заколебались, но не резко, как от сквозняка, а плавно, болезненно, будто водоросли на дне. Я успел заметить, как переменялся в лице разбойник, как вытянулась замурзанная физиономия воришки, как женщина вскинула руки, будто желая укрыться от камня, летящего в лицо; все они, уже не скрываясь, кинулись к старичку, ища у него помощи и поддержки, один я остался сидеть, впечатавшись спиной в камень, очень холодный камень, очень, таким же холодным будет мое собственное надгробие...

Свечи погасли. Впрочем, в них уже не было надобности.

Он стоял посреди камеры; в первое мгновение мне показалось, что он бесплотен, что сквозь складки его одеяния просвечивает противоположная стена, а короткие ноги не касаются пола. Возможно, в какой-то момент так оно и было, но уже спустя секунду он стоял, расставив ноги в грубых крестьянских башмаках, и был столь же реален и осязаем, как я, как разбойник, как воришка, как мокрица на стене.

Я судорожно искал глазами потайную дверь. В молочно-белом свете, придавшем камере сходство с каменным подойником, стены оставались столь же слепыми и неприступными. Ни щелочки. Ни скважины, куда вошедший призрак мог бы вставить свой призрачный ключ...

Впрочем, разве он призрак?!

Он не казался старым. Маленькую голову покрывал тяжелый седой парик, тщедушное тело тонуло в пышных складках судейской мантии, огромные башмаки казались гириями, яко-

рями на тонких, как у паука, затянутых в черные чулки ножках. Страшным он не казался тоже – ни страшным, ни величественным, а ведь даже деревенский староста, отправляя суд, старается выглядеть внушительнее и умнее, чем обычно...

– Здравствуйте, господа.

От звука этого голоса меня прошиб холодный пот.

Ненавижу скрежет железа по стеклу. Ненавижу тихий треск рвущейся паутины; голос Судьи вбирал в себя все подобные звуки, неявно вбирал, но так, что мне захотелось зажать уши.

Воришка скорчился на каменном полу, изо всех сил прижимая руки к животу. Женщина икнула. Старикашка сидел неподвижно, спокойно сидел, вроде как у себя дома, но одноглазый разбойник жался к его колену, а потому вся компания выглядела дико. Фальшиво выглядела, как на лубочной картинке, изображающей житие какого-нибудь доброго отшельника...

– Что ж... – Судья огляделся, будто выбирая место поудобнее, отступил к стене, привалился к ней плечами и скрестил руки на груди. – Вот, так я будто бы всех вижу...

У него было маленькое темное лицо с голым подбородком и тонким крючковатым носом; пряди седого парика небрежно свешивались на лоб, а из-под них посверкивали глаза, похожие на две черные булавочные головки.

– Господа, каждого из вас привела сюда его собственная крупная неприятность... Что ж, приступим.

– Выслушайте! – сбивчиво проговорила женщина. – Я расскажу, я... выслушайте, я не...

– Выслушивать не стану.

Под булавочным взглядом Судьи язык узницы благополучно прилип к небу. В поисках поддержки она вцепилась в одежду старикашки, который и сам уже не выглядел столь благостным – бледен стал старикашка, а в молочном свете надвигающегося Суда его бледность казалась совсем уж бумажной.

Я грел своей спиной стену – и все никак не мог согреть. Как будто глыба льда оказалась у меня за плечами, скорее я остыну, чем она примет от меня хоть толику тепла; я ждал своей участи в гордом одиночестве, как и подобает отпрыску рода Рекотарсов, но зато как это скверно – одиночество в такой момент...

Нехорошее слово – «приступим». «Приступим», – говорит цирюльник, берясь за клещи для выдирания зубов. «Приступим», – говорит лекарь, наострив ланцет. «Приступим», – говорит учитель, вылавливая в кадушке розгу...

«Приступим», – сказал Судья.

Меня зовут Ретанаар Рекотарс. В моем роду вельможи и маги. Грамота, которую я храню в своем дорожном сундучке, выдана моему прадеду по мужской линии моим прапрадедом по женской линии, выдана в благодарность за избавление окрестностей от свирепого дракона, которым, то есть избавлением, ясновельможный барон Химециус обязан Магу из магов Дамиру, у которого сам Ларт Легиар был одно время в прислужниках...

В детстве я порезал руку, желая увидеть в своих венах голубую кровь.

Теперь я сижу на корточках в углу сырой вонючей камеры, и некто Судья, явившийся из стены, собирается взыскать с меня за преступления. И в особенности, вероятно, за последнее – не зря так разъярились городские стражники, догнали меня уже на большой дороге, сняли с дилижанса и притащили в эту проклятую тюрьму...

– Выслушивать я не стану, – медленно повторил Судья. – Говорить нам не о чем, потому как вы и так уже все сказали, и сделали, надо признаться, немало... Что до тебя, женщина, то обвинение в убийстве не имеет под собой оснований. Ты не убивала того человека, что месяц назад умер в твоей постели.

Все, находившиеся в Судной камере, – исключая разве что самого Судью, со свистом втянули в себя воздух. Потом старик закашлялся, воришка взвизгнул, разбойник зашипел сквозь зубы, а женщина так и осталась с переполненными легкими – круглая, как пузырь, красная, с

сумасшедшими от счастья глазами. Молчала, краснея сильнее и сильнее, и будто бы не решалась выдохнуть.

– В остальном, – скребущий голос Судьи сделался насмешливым, – твоим провинностям нет числа, ты ограбила мертвого, ты зарабатывала телом... Знай же, что с сегодняшней ночи объятия любого мужчины будут причинять тебе муку. Хочешь заниматься прежним ремеслом – продолжай, сама твоя работа станет тебе в наказание... Я сказал, а ты слышала, Тиса по кличке Матрасница. Это все.

Женщина, казалось, забыла, как выдыхают воздух. Лицо ее из красного делалось потихоньку пурпурным, а затем и лиловым; никто не догадался шлепнуть ее по спине, вытолкнуть наружу застрявший в глотке Приговор.

Никто даже не взглянул на нее. Все думали только о себе, и я тоже.

Судья переменял позу – глухо стукнули о камень тяжелые башмаки. В складках мантии на секунду обнаружилась золотая массивная цепь – и тут же пропала, съеденная бархатом.

– Кто желает слушать следующим? – Судья усмехнулся уже в открытую, маленькая голова качнулась, парик окончательно съехал на глаза, Судья поправил его небрежным жестом, как поправляют шапку. – Может быть, ты, Кливи Мельниченок?

Воришка дернулся. Вскочил, тут же грохнулся на колени, прополз по каменному полу к башмакам Судьи и завел жалобную песню:

– Я-а... раска-а... ива-а... ворова-а...

Талантливый парнишка. Мог бы зарабатывать на жизнь голосовыми связками.

– Воровал, – равнодушно подтвердил Судья. – Доворуешься когда-нибудь до петли... Впрочем, нет. Теперь чужие монеты станут жечь тебя, как огонь. Ежели тебя и повесят, то за что-нибудь другое... Я сказал, а ты слышал, Кливи. Это все.

В Судной камере снова сделалось тихо. Я поискал взглядом мокрицу – мокрица исчезла.

– Теперь ты. – Судья снова переступил с ноги на ногу, взгляд его теперь остановился на разбойнике. И ведь до какого жалкого состояния можно довести плечистого свирепого мужчину – где это видано, чтобы лесной душегуб корчился от страха, как приютская девочка...

Судья замолчал. И достаточно долго молчал, разглядывая перекошенную разбойничью физиономию, потом протянул задумчиво:

– Станный ты человек, Ахар по кличке Лягушатник, на каждую твою вину по три смягчающих обстоятельства... Поскольку людей ты уморил изрядно, быть тебе казненным...

По камере пронесся сдавленный вздох.

– Но ты искал и маялся. – Судья раздумчиво склонил белый парик к черному плечу. – Ты щадил... и потому дается тебе месяц перед казнью. Я сказал, а ты слышал, Лягушатник. Это все.

Разбойник непроизвольно поднял руку к повязке, к тому месту, где был когда-то глаз. И так и остался сидеть – в позе человека, ослепленного ярким светом.

Судья снова поправил парик, хотя надобности в том не было никакой. Провел по каменному полу носком тяжелого башмака, шумно вздохнул, и булавки его глаз устали на меня.

Почему я не проглотил собственный язык – до сих пор не понимаю. Темное личико Судьи поморщилось, как от кислого, он полуоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но в этот момент благообразный старикашка дернулся, словно в припадке падучей, и взгляд Судьи сполз с меня, будто тяжелое насекомое. Переполз через всю камеру – туда, где еще недавно жались друг к другу мои вынужденные соседи. Теперь каждый из них был сам по себе – женщина все еще пыталась вытолкнуть из легких ненужный воздух, воришка хлопал мокрыми глазами, не зная, радоваться ему или плакать, разбойник отшатнулся в сторону и сидел, закрывая пустую глазницу от молочно-белого света этой длинной, этой Судной ночи. Старичок остался в одиночестве – и лицо его было даже белее, чем пышный парик Судьи.

«Могут ли призраки сколько-нибудь вмешиваться в людские дела?» По-видимому, любезному старикашке как раз предстояло это узнать. Потому что Судья забыл обо мне – темное лицо его потемнело еще больше. Тонкие губы исчезли, оставив на месте рта узкую безжалоственную щель.

– Ты, Кох, себе-то не ври. Не ври, что выкрутишься. Не выкрутишься, Кох, не надейся.

– Поклеп, – неслышным голосом сказал старикашка. – Поклеп, донос, доказательств нет никаких... Гулящая она была и хворая к тому же, поклеп...

Судья поднял острый подбородок. И как-то сразу выяснилось, что маленькая фигурка под белым париком отбрасывает тень сразу на четыре стороны и все мы сидим в этой тени, и мне показалось, что седые волосы парика сейчас забьют мой разинувшийся рот, не дадут дышать...

Я закашлялся. Наваждение отступило, Судья по-прежнему стоял у стены, маленький и черный, на паучьих ножках, и зловещее молчание Судной камеры нарушалось только моим неприличным кашлем. Уже сколько раз мне случалось поперхнуться в самую неподходящую минуту, когда подобает хранить молчание...

– Ты, Кох, поплатишься скоро и страшно. Сердце твое выгнило, плесень осталась да картонная видимость; смерть тебе лютая в двадцать четыре часа. Я сказал, а ты слышал, ювелир. Это все.

– Поклеп, – упрямо повторил старикашка. Женщина тихонько заскулила, закрывая рот ладонями, воришка на четвереньках отбежал в дальний от старика угол да там и остался.

Взгляд Судьи снова переполз через всю камеру – теперь в обратном направлении. Я знал, куда он ползет; когда две черные булавки остановились на мне, я поперхнулся снова.

Судья вежливо дождался, пока я закончу кашлять. Стоял, покачивая маленькой головой в необъятном парике, мне подумалось, что он похож на гриб – из тех, что растут в темноте на сырых стенках подвалов.

– Ретанаар Рекотарс...

Я вздрогнул. В устах зловещего сморчка мое родовое имя звучало странно. Казалось, что Судья замысловато выругался.

– Дорожка твоя в тину, Ретано. Ты уже в грязи по пояс – а там и в крови измараешься... Сборщик податей повесился на воротах, кто-то скажет – поделом, но смерть его на тебе, Ретано. Ты тот же разбойник – где лесной душегуб просто перерезает горло, ты плетешь удавку жестоких выдумок. Год тебе гулять. По истечении срока казнен будешь... Я сказал, ты слышал, Ретанаар Рекотарс. Это все.

Всю его речь – неторопливую, нарочито равнодушную – я запомнил слово в слово, зато смысл ее в первое мгновение от меня ускользнул. Я сидел у склизкой стены, хлопал глазами, как перед этим воришка, и удивленно переспрашивал сам себя: это мне? Это обо мне? Это со мной?!

Судья помолчал, обвел медленным взглядом недавних подсудимых, ставших теперь осужденными; мне показалось, что черные, спрятанные за белыми буклями глаза задержались на мне дольше, нежели на прочих.

Или каждому из нас так показалось?

А потом он повернулся к нам спиной. Черная мантия была порядком потертой и лоснилась на плечах.

И шаг – сквозь стену; мне до последнего мгновения мерещилось, что он разобьет себе лоб.

Потому как он не был призраком. Или я ничего в этом деле не смыслю.

Судья ушел, и белый молочный свет иссяк. Наступила темнота.

* * *

Утром – хоть в подземелье, кажется, нет ни утра, ни вечера – за нами пришли. Тюремщик выглядел довольным и гордым – так, как будто бы это он умеет ходить сквозь стены и распоряжаться чужими судьбами. Первый из стражников, седой и кряжистый, хмурился и смотрел в пол, зато сослуживец его, веселый молокосос, сдуру взялся о чем-то нас расспрашивать. Старший товарищ ласково съездил ему кулаком между лопаток, и юноша, поперхнувшись, осознал свою неправоту.

Под небом царило утро. Разбойник, поймав лицом солнечный луч, часто задышал ртом и осел на руки стражникам. Воришка глупо захихикал; у меня у самого ослабели колени, и не было охоты оглядываться на старика и женщину, шагавших позади. С натужным скрежетом опустился мост, нас повели над провалом рва, над темной далекой водой с плавучими притопленными бревнами – впрочем, приглядевшись, я понял, что это вовсе не бревна, что скользкое дерево глядит голодными глазами, а впрочем, может быть, мне просто померещилось. Я слишком быстро отвел взгляд.

Нас вывели за ворота и оставили посреди дороги – в пыли, в стрекоте кузнечиков, под безоблачным небом; мы проводили стражников долгим взглядом, а потом, не сговариваясь, уселись в траву. Вернее, это я уселся, прочие поступили сообразно темпераменту: разбойник рухнул, воришка прыгнул, старичок осторожно присел, а женщина опустилась на корточки.

Никто не спешил уходить – будто бы сырые стенки Судной камеры до сих пор отрезали нас от поля и дороги, от неба и кузнечиков, от возможности идти куда вздумается; долгое время никто не раскрывал рта. То ли слов не было, то ли и так все было ясно.

– Руки короткие, – наконец выговорил старикашка. Глухо и через силу.

– Дурак, – отозвался разбойник безнадежно. – Коротки ли – а дотянутся...

– Ничё нам теперь не будет, – сказал воришка, ухмыляясь от уха до уха. – Выпустили уже... выпустили.

Женщина молчала – несчастная, всклокоченная, с ввалившимися глазами; впрочем, при свете дня оказалось вдруг, что она куда моложе, чем показалось мне вначале.

* * *

Что за страх держал нас вместе? И страх ли? Почему, например, я, получивший обратно свои документы и даже остаток своих собственных денег – а большую часть с меня взыскали «за содержание», за тюфяки и вшей, надо понимать! – почему, получив свободу, я не отправился тут же своей дорогой, а уселся в трактире с этим сбродом, с моими товарищами по несчастью?..

Судья сказал, а мы слышали. Судная ночь сбила нас в стаю – ненадолго, надо полагать. Но первым повернуться и уйти никто не решался.

Веселее всех был воришка – тот привык жить сегодняшним днем, не днем даже, а минутой: коли страшно, так трястись, а ушел страх – хватать толстуху-жизнь за все, что подвернется под руку. Разбойник веселился тоже – истерично и шумно; безнадежность, владевшая им с утра, не выдержала схватки с хмельным угаром, и после двух опустошенных бочонков одноглазый задумал поймать Судью и утопить в нужнике. Старичок не пил – сидел на краю скамейки, деликатно положив на стол острый локоть, и повторял, как шарманка, одно и то же:

– У призраков над человеческой жизнью власти нет! Пугало смирно – а ворон на огороде пугает. У призраков над человеческой жизнью власти нет! Пугало смирно, а ворон... У призраков над человеческой жизнью... Нет, нет, нет!..

На плечо мне легла рука. Нос мой дернулся, поймав сладкую струю знакомых духов.

– Пойдем, господин, – сказала женщина. – Дело есть.

Она, наверное, целый час отмывалась у колодца, а потом достала из котомки лучшее платье. Влажные волосы уложены были в подобие прически, бледное деловитое лицо казалось даже милым – во всяком случае, шлюху в ней выдавали теперь только духи. Слишком уж приторные. Слишком.

Поколебавшись, я встал из-за стола; если я пью с разбойником и воришкой под лепет лиходея-старичка, почему бы мне не внять вежливой просьбе чисто вымытой шлюхи?

Мы отошли в дальний угол; женщина помялась, решая, вероятно, как ко мне следует обращаться. Благородных господ подобает звать на «вы» – а как величать аристократа, который время от времени сидит в тюрьме наравне со вшами и всяким сбродом?

– Вы... это... Я купца не травила, это он точно сказал, но вот прочее... Господин, я ведь не спрашиваю, что вы такое натворили, коли он смерть вам назначил через год...

Я смотрел в ее круглые, голубые, невинные глаза. Не орать же на весь трактир: «Заткнись, дура стоеросовая, что ты, так тебя разэдак, болтаешь?!»

Она поежилась под моим взглядом. Нервно заморгала:

– То есть... это... Ювелир этот, он точно девку порешил, я знаю... Только он твердит, что призракам власти нет, а я боюсь, что есть-таки, так это... можно бы проверить...

Она замолчала, выжидая.

– Что проверить? – тупо переспросил я.

– Есть ли власть, – пояснила она терпеливо. – Ежели приговор... если не пугало, как он талдычит, ежели стражники не дураки... Так проверить же можно. – Она снова выжидательно замолчала, заглядывая мне в глаза.

Разбойник, закатив единственный глаз, орал песню; все живое в трактире забилося по углам – округа давно знала, что здесь заливают пережитый страх «душегубы, которых из Судной выпустили». Любопытных собралось немало, но дураков среди них не было – в соседи к пьяному разбойнику никто не лез.

Я тряхнул головой. Обычная моя сообразительность куда-то подевалась – прошла долгая минута, прежде чем до меня дошло наконец, каким образом женщина собирается проверить истинность наших приговоров.

Как там Судья ее огорошил, беднягу? «Объятия любого мужчины будут причинять тебе муку»?

Женщина улыбнулась – смущенно, будто извиняясь:

– Вы, господин, не подумайте... ничего такого... проверить только надобно. Знать надо, а то чего он болтает, что у призраков власти нет, а мне вот покойная бабка рассказывала...

Она замолчала. Открытое платье почти не прятало от мира высокий бюст, талия, не слишком тонкая, была безжалостно затянута корсетом, а бедра под пышной юбкой казались крутыми, как тщательно сваренное яйцо.

Мой оценивающий взгляд был встречен как согласие; женщина заулыбалась смелее и даже ухитрилась покрыться нежным стыдливым румянцем:

– Вы, господин... красивый. В жизни таких красавчиков не встречала. Я уж с хозяином сговорила про комнату...

Ну как тут не быть польщенным.

Я тоскливо оглянулся на пирующих. Повезло мне – наследника Рекотарсов предпочли пьяному разбойнику, юному воришке и седому старикашке, который, если верить Судье, девчонок насилует до смерти...

А, собственно говоря?.. Шлюха как шлюха. Даже получше прочих – аппетитная... И несчастная к тому же. Окажется, что приговор Судьи в силе, – куда ей теперь?..

Меня передернуло. Это вино заставило на время забыть о седом парике на паучьих ножках, а теперь я вдруг вспомнил все: и мокрицу на стене, и обращенную ко мне нравоучительную тираду, и случившийся потом приговор, – я вспомнил Судную камеру, и некое подобие

интереса, проснувшегося во мне во время лицезрения шлюхиных прелестей, увяло, как роза в песках.

– Ты уж с хозяином и обо всем прочем договорись, – посоветовал я, отворачиваясь. – А то ведь за комнату платить надо...

И, не оглядываясь, вернулся за свое место за столом – подле разбойника, спящего рылом в грибном соусе, пьяненького воришки и старикашки-ювелира, который все твердил, стуча пальцем по столешнице и постепенно наливаясь желчью:

– У призраков над человеческой жизнью власти нет! Нечего пугать-то... Пугало смирно... маломощное, пугало-то. Только ворон на огороде пугает...

* * *

Женщина обиделась, но виду не подала. Сквозь мутную пелену, затянувшую мир после некоторого количества выпитого вина, я видел, как она подлащивается поочередно к хозяину трактира, к работнику и даже к поваренку – но все, преодолевая соблазн, дают ей от ворот поворот.

А ведь здесь таких, как мы – осужденных, – видели-перевидели. Всякий раз после Судной ночи в этот трактир заваливается ополоумевшая от внезапной свободы толпа... Возможно, эти опасливо приглядывающие за нами люди знают о приговорах Судьи куда больше нашего, и потому ароматная одинокая женщина не находит среди них сочувствия. Даже у мальчишки-поваренка, которому эдакое счастье перепадает нечасто. А разбойник надрался и спит, а воришка надрался тоже и пускает слюни, а я такой гордый, что самому противно, что ж ей, на старикашку кидаться?!

Сознание покинуло меня, кажется, всего на минуту – зато, когда я очнулся, была уже глухая ночь. Чисто вымытый пол пахнул мокрым деревом, разбойник постанывал на лавке, трактир был пуст, и только на лестнице, уводящей вверх, в жилые комнаты, скрипом отдавались крадущиеся шаги, ползла сквозь темноту горящая свечка да поднимались в такт шагам две обнявшиеся тени.

Я с трудом выпрямился. Завертелась, набирая скорость, пьяная голова. Карусель, да и только. Сучья карусель.

Повезло старикашке. Будто заранее знал – ни капли не выпил. Одной болтовней был пьян – и вот теперь тянется по лестнице, вдыхая приторно-сладкий запах ее духов. Вот скрипнула, отворяясь, дверь...

Обеими руками я свирепо растер лицо. Карусель приостановилась; ночь – время безнадеежное. Сегодня я вдыхал запах пыли и травы, смотрел на солнце и верил, что теперь жизнь моя пойдет по-новому, забудутся волглые стенки, мокрицы и вши, весь последний месяц забудется напрочь...

«Дорожка твоя в тину, Ретано. Ты уже в грязи по пояс – а там и в крови измараешься...»

Светлое Небо, но зачем-то ведь на свете наплодилось столько дураков?! Если на ярмарку приезжает сборщик налогов – ну хоть кто-нибудь посмотрел бы внимательнее в его бумаги! Нет, поворчали и понесли – по доброй воле, чтобы неприятностей с властями было поменее. Сборщик натурой не брал, а только деньгами – кошелек к земле не тянет, это не корзины на спине таскать... Ну разве я так уж их ограбил?! Родовое поместье в упадке, денег из него не выжмешь, все равно что из камня молоко доить, а отпрыску Рекотарсов как-то жить надо, нет?!

Я ушел за день до прибытия настоящего сборщика. Тому сперва морду набили – за самозванца приняли, налоги-то сданы уже, честь честью... Потом от местного князя усмирительный отряд прискакал – плохо обернулась ярмарка. Кого-то, говорят, до смерти затоптали...

Потом мне рассказывали, что хозяин, разъярившись, разыскал недостающую в казне сумму с этого самого сборщика. А тот повесился на воротах... Все мне рассказали длинные

языки. И на меня же потом навели – иначе как объяснить, что меня взяли на большой дороге, в двух днях пути от места происхождения?!

«Ты тот же разбойник – где лесной душегуб просто перерезает горло, ты плетешь удавку жестоких выдумок...»

Дурака никто никогда не винит. Дурака жалеют; если ягненок шляется по лесу, то виноват, конечно, волк. Красиво говорит Судья – «удавка жестоких выдумок»... Прямо по-книжному. Как с листа читает.

«Год тебе гулять. По истечении срока казнен будешь...»

Я вздрогнул. Мне померещились шаги – наверху, над головой, кто-то ступал босыми ногами, не иначе как старикашка собирается с силами для занимательного эксперимента. В силе или нет приговор Судьи?

Собственно, эти, опознавшие во мне лжесборщика, могли разорвать меня голыми руками. И остановило их одно: близость Судной ночи...

Может быть, они тоже дураки? Законченные? И считают, что одна неприятная ночь, проведенная в обществе тонконогого Судьи, сполна накажет меня за разоренную ярмарку и труп сборщика на собственных воротах?..

Где-то там, наверху, сейчас заскрипит кровать. А потом шлюха, помятая, но счастливая, нетвердой походкой спустится вниз и объявит со смехом: прав был старикашка, во всем прав! Нет у призраков власти над живыми людьми, один страх бесплотный...

Гм! А если Судья знает про сборщика – значит, и все, что он говорил про ювелира, тоже правда? И благообразный старикашка изнасиловал, а потом и убил девчонку, бывшую у него в услужении?!

Мне сделалось дурно. Поплыл перед глазами вымытый пол, новой каруселью завертелась голова, захотелось лечь лицом в стол и подольше не просыпаться...

А потом сверху послышался тяжелый удар. И целую секунду было тихо. И еще секунду. ...От крика дрогнули огоньки свечей. Кричала женщина – да не обычным женским визгом, а с подвыванием, взхлеб, будто от нестерпимого ужаса, будто коврик у ее кровати поднялся на членистые лапы, алчно засучил бахромой и кинулся на горло – душить...

От крика заворочался на лавке разбойник. От крика проснулся воришка и повел бессмысленными глазами. Застучали по всему дому двери, из комнаты для слуг высунулся перепуганный сонный работник.

Она все кричала. Не уставая.

Трухлявые ступеньки чуть не лопались под ногами. Я рывком подскочил к двери, за которой захлебывалась воплем женщина, и вломился, судорожно отыскивая на поясе несуществующий кинжал.

В комнате горела единственная свечка. Шлюха стояла на кровати в чем мать родила. Стояла, чуть не упираясь затылком в низкий потолок, и вопила, прижимая ладони к нагой груди. С первого взгляда мне показалось, что в комнате больше никого нет, но женщина смотрела вниз, в угол, я ожидал увидеть там, что угодно, хоть и вставший на членистые лапы прикроватный коврик...

Стоило только повыше поднять свечку.

Он лежал на спине, белки глаз отсвечивали красным. Из-под затылка черной тарелкой расплзлось круглое пятно крови.

– А-а-а, – выла женщина, забыв о своей наготе и не смущаясь толпы, завалившейся в комнату вслед за мной. – А-а-а... Голова-а...

Я склонился над умирающим – а старикашка умирал, окровавленный рот подергивался в предсмертной судороге, будто желая сказать мне что-то важное, исключительно важное, стоящее предсмертного усилия. Я прекрасно понимал, что ничего он не скажет, – еще секунда... другая...

Старичок мучительно испустил дух. Женщине за моей спиной грубо велели заткнуться.

Я поднес свечку к остановившемуся лицу. Так близко, что еще мгновение – затрещала бы седая всклокоченная борода.

Старик приколотен был к полу. Падая навзничь, он напоролся затылком на огромный, кривой, торчащий из пола гвоздь.

* * *

Утром я был далеко.

Что мне до путаных объяснений хозяина – умывальник, мол, стоял, приколотенный к полу, а потом унесли, а гвоздя не заметили?

Что мне до всхлипываний шлюхи – она, мол, не успела ничего проверить, старик как нацелился на кровать, так и поскользнулся на собственной пряжке?

И хозяину было все ясно, не зря он зябко ежился и втягивал голову в плечи.

И шлюхе все было ясно тоже – не зря она так рыдала, позволяя слезам вымывать дорожки на лице и свободно скапывать с подбородка.

«Ты, Кох, заплатишься скоро и страшно. Сердце твое выгнило, плесень осталась да картонная видимость; смерть тебе лютая в двадцать четыре часа...»

Прощай, убийца Кох.

Двадцать четыре часа миновало.

Один день из трехсот шестидесяти пяти.

И встающее над лесом солнце показалось мне похожим на огромные, поднимающиеся над миром песочные часы.

ГЛАВА 2

Молодая женщина сидела на широком подоконнике, обняв руками колени. Девчоночья поза была ей удобна и привычна; ничуть не заботясь о том, как ее легкомыслие может быть воспринято со стороны, женщина смотрела за окно – туда, где грохотали по булыжной мостовой пузатые кареты, расхаживали уличные торговцы, прогуливались богатые горожане и стайками носились чумазные дети.

По ту сторону стекла опустилась на подоконник оранжевая с черным бабочка. Женщина невольно задержала дыхание; казалось, с крыльев бабочки пристально глядят два черных недобрых глаза.

– Это «глаз мага», – сказала женщина вслух, хоть в комнате не было никого, кто услышал бы и ответил.

Некоторое время бабочка сидела, подрагивая крыльями, потом сорвалась и полетела – трепещущий оранжевый огонек.

Женщина вздрогнула, будто о чем-то вспомнив. Соскользнула с подоконника; дверь не стала дожидаться, пока она коснется ручки. Дверь распахнулась сама собой, в комнату без приглашения шагнула девочка или, скорее, девушка, потому что вошедшей было пятнадцать лет, тело ее понемногу обретало подходящие формы, но лицо оставалось вызывающе подростковым, угреватым, некрасивым и дерзким.

– Ты была в моей комнате? – спросила девушка вместо приветствия.

– Я принесла тебе книжки, – отозвалась женщина с подчеркнутым спокойствием.

– Я просила НЕ ПЕРЕСТУПАТЬ порога моей комнаты! – сказала девушка, и глаза ее сделались двумя голубыми щелями. – Никому, кроме прислуги!

– Считаю, что я прислуга, – сухо усмехнулась женщина. – И я не трогаю твоих вещей.

Девушка сжала губы. Женщина с тоской разглядывала ее лицо – знакомые черты дорогого ей человека претерпели здесь странное изменение, девочка казалась карикатурой на собственного отца.

Женщина подавила вздох:

– Где ты была вчера, Алана? В «Северной корове»?

– Почему бы мне там не быть, – фыркнула девушка с вызовом.

– Разве отец не просил тебя...

Девушка круто повернулась и пошла прочь, на лестницу. И, уже спустившись на несколько ступенек, обернулась:

– А ты, Танталь? «Притон», «кабак»... Ты что, никогда не ходила по кабакам?!

– Сегодня утром отец запретил привратнику выпускать тебя из дому, – устало бросила женщина в удаляющуюся гордую спину.

Девушка споткнулась. Обернулась, и сузившиеся глаза казались уже не голубыми, а черными:

– Чего?! Он... ну так... Так будет хуже! Будет хуже, так и передай!

И побежала вниз, подметая ступени подолом темного мятого платьяца.

* * *

На закате распахнулась входная дверь, слуга поспешил в прихожую, на ходу кланяясь, не умея сдерживать глупую улыбку от уха до уха:

– Добрый вечер, хозяин! Вернулись?

Женщина подавила желание бежать вслед за слугой. Поправила перед зеркалом прическу, пощипала себя за щеки – чтобы не вызывать беспокойства нездоровой бледностью – и только тогда вышла, остановилась на верхушке длинной лестницы, дожидаясь, пока человек со светлыми, наполовину седыми волосами поднимется по желтоватым, как клавиши, ступеням.

Это было своеобразным ритуалом. Она всегда дожидалась его здесь.

– Добрый вечер, Танталь.

– Добрый вечер, Эгерт...

Хорошо, что в вечернем полумраке он не может разглядеть ее лица. Ее безнадежно бледного лица с ввалившимися глазами, и невинная хитрость с пощипыванием щек ничего не может скрыть, тем более от него...

– Все в порядке, Эгерт?

Ее голос звучал тепло и ровно. Как обычно.

Он кивнул. Она взяла его под руку, пытаясь придумать какую-нибудь ничего не значащую фразу, но ничего подходящего не придумывалось; он молчал тоже, и так, в молчании, оба отправились в дальнюю комнату – самую большую и светлую спальню в доме.

На столе горел светильник. В глубоком кресле сидела женщина – ничей язык не повернулся бы назвать ее старухой. Черные тени лежали на белом, потрясающей красоты лице. Темные глаза смотрели в пространство.

– Привет, Тор, – ласково сказал Эгерт.

Сидящая улыбнулась и кивнула.

Вот уже три года она не делала ничего другого – сидела, глядя в пустоту перед собой, а услышав знакомый голос, улыбалась и кивала. Душа ее летала где-то так далеко, что даже самые близкие люди не могли до нее дозваться.

– Все в порядке, Тория, – спокойно подтвердила Танталь. И только внутри ее сжался невидимый комочек, та часть ее, что не любила лгать.

Женщина в кресле улыбнулась и кивнула снова.

– Мы пойдем, – глухо сказал Эгерт.

Женщина кивнула в третий раз.

Танталь и Эгерт вышли, осторожно прикрыв за собой дверь. В коридоре вежливо дожидалась сиделка – добрая женщина, приходившая вечером и уходившая утром, она сменила компаньонку, которая с утра и до вечера сторожит спокойствие госпожи Тории, балагурит в пустоту и читает вслух книги, до которых госпоже Тории нет никакого дела...

– Что случилось? – отрывисто спросил Эгерт, когда служанка убрала со стола недоеденный ужин.

«Все видит», – подумала Танталь устало.

– Алана?

– Заперлась в комнате. Я сказала ей, что ты...

Вертикальные морщины на белом лбу Эгерта сделались глубже.

– Да, я думал. Ты знаешь, как я надеялся, что она... Перерастет. Тем более после поездки в Каваррен...

– Каваррен пошел ей на пользу, – пробормотала Танталь, водя пальцем по узору на скатерти.

– Надо было ее пороть. – Эгерт нервно передернул плечами. – Когда все это началось... Надо было наступить себе на горло и...

– Ерунда, – меланхолично отозвалась Танталь. – Ты просто устал... ты устал сегодня.

– Отвезти ее в Каваррен, – Эгерт сплел пальцы, – изменить... обстановку... надолго. Я бы перебрался в Каваррен, но Корпус...

– Что тебе дороже – чужие мальчишки или собственная дочь?

Танталь сама удивилась словам, сорвавшимся с ее губ как бы между прочим. Как бы невопад.

– Извини, – добавила она тихо. – Собственно, и переезд ничего не изменит. Мне так кажется.

Эгерт молчал.

– Извини, – повторила Танталь уже с беспокойством. – Я... я уже устала твердить тебе, что в этом нет твоей вины. Алана...

– Те дни ее сломили, – сказал Эгерт, глядя в стол. – Танталь, есть ли в этом доме человек, перед которым я не виноват?!

Наверху грохнула дверь. Послышался звон разбитой посуды, минуту спустя в столовую вбежала перепуганная служанка, и при виде ее окровавленного лица Эгерт поднялся из-за стола:

– Что?!

– Госпожа Алана, – служанка хлюпнула носом, – изволят... Ужинать не хотят, так посудой кидаются...

Танталь натянула платок на плечи. Непривычный, старушечий жест.

* * *

Поперек проезда стояла свинья.

Вероятно, то была королева свиней. Серая пятнистая туша занимала все пространство опущенного моста, от перил и до перил – а ведь мост не был узок, когда-то, в незапамятные времена, здесь свободно катались кареты!

Свинья неохотно посмотрела в мою сторону и отвернулась снова. Где ей было меня узнать – когда я последний раз навещал родовое гнездо, дедушка этой свиньи был еще розовым поросенком.

Тишина и упадок. Вздумай враги напасть на замок – вот он, берите голыми руками, вода во рву высохла, и мост не поднимается, потому как подъемный механизм проржавел до самого нутра...

С другой стороны, на кой ляд врагам старая развалина, призрак давней славы Рекотарсов?

– Уйди, – сказал я свинье. Та не обратила на меня никакого внимания – разве что серое ухо лениво дрогнуло, стряхивая муху.

* * *

...Куда возвращается путник, когда дорога намозолила ему ноги? Правильно, в отчий дом. Даже если вместо привратника его встретит серая свинья, вместо друзей – равнодушные собаки, а вместо заботливых родителей – располневший, подслеповатый слуга. Теперь, сидя перед камином в поросшем паутиной зале, я и не помнил толком, зачем так стремился сюда. Откуда взялась эта лживая надежда: вернусь, мол, домой, и все образуется, будто по воле мага.

Поместье, как и следовало ожидать, доходов не приносило никаких, жалкой ренты хватало только на прокорм домашним животным. В первый же вечер управляющий по имени Итер принес мне, вздыхая, грудку пыльных расходных книжек; с отвращением пролистав мелко исписанные страницы, я отодвинул бухгалтерию прочь. Если старый слуга немножечко и крадет – что он, не имеет на это права?!

На другой день я открыл сундук со своими детскими вещами и среди школьных принадлежностей отыскал затейливо разукрашенный календарь. Лет двадцать назад я изготавливал его сам, под присмотром учителя – по краю деревянного круга хороводом вились цифры,

ближе к центру были коряво выписаны названия месяцев, и каждый из них сопровождался подобающей иллюстрацией: в детстве я любил рисовать. Щекастое солнце перебирало щупальцами-лучами, вились косматые бороды ветров, из пузатых туч охапками сыпался нарисованный снег; я устало присел на краешек сундука, мне страшно захотелось туда, в двадцатилетней давности вечер, когда, выпучив от усердия глаза, я покрывал лаком уже готовую картинку...

А теперь я держу в руках собственную жизнь. Вернее, ее жалкий остаток, потому что от вынесения Приговора прошло уже две недели, а значит, жить мне осталось триста шестьдесят пять минус четырнадцать...

Я отыскал в письменном столе иголку и аккуратно отметил день, от которого, по воле Судьи, ведется столь важный для меня отсчет.

А потом кликнул Итера, оделся во все лучшее, нацепил шпагу, как подобает наследнику Рекотарсов, и отправился в поселок.

* * *

Староста поначалу перепугался – думал, бедняга, что я хочу скачать с него денег. Слово «подати» с некоторых пор резало мне слух, а потому я с милой улыбкой замял неприятный для обоих разговор. Староста развеселился, но тут же и притих, узнав, какие именно сведения меня интересуют. Почесал в круглой башке, потер лысую бровь, сказал с сомнением:

– Вы, господин Ретанаар, этого... Что магов в последние годы расплодилось – это правда, что тех крыс... При каждой деревеньке, куда ни сунься, теперь колдун сидит... Много и обманщиков, но есть и справные – хутор, если помните, ниже по речке, год назад наводнением смыло, среди сухого лета вдруг гроза, смыло подчистую, и я знаю, чьих рук дело, да только связываться с ним... Раньше болтали – перевелись, мол, маги, скучно стало и тяжело – так на вам, теперь весело, век бы такого веселья не видывать, сынишка мой сдуру повздорил с ЭТИМ – так назавтра молния среди двора как лупанет! Дырку прожгло, курицу убило, я быстренько подарки на телегу – и во двор ему, заразе, чтоб ему пусто было, а он щерится, лыбится, подарки принимает, ничего, мол, помни мою доброту, что только курицу поджарило тебе...

– ОН – это который? – небрежно поинтересовался я.

Староста поморщился:

– Имя его, батюшка, язык колет, горькое имечко... Я тебе на дощечке нацарапаю. Грамоте, по счастью, учен...

Я удивился таким предосторожностям; староста послал чумазого мальчишку за грифельной доской, долго трудился, помогая себе языком, и наконец продемонстрировал мне жуткими каракулями выведенное имя: «Черно Да Скоро».

– Правильно написал-то? – с сомнением поинтересовался я. – Уж больно имя какое-то...

– Так маг же, – пожал плечами староста. Видимо, это обстоятельство могло оправдать в его глазах любую странность – от непривычно звучащего имени до третьего уха на затылке.

– А живет где?

Староста не считал нужным скрывать гримасу отвращения.

* * *

На околице меня догнала старуха; я узнал ее. Сколько себя помню, а она все была старухой, неизменной, в темно-красном платке, с вислыми сиреневыми щеками и черными усиками над верхней губой. Жила знахарством, травами, мелким колдовством и сомнительными услугами по женской части.

– Гос... подин... Ежели к Черному пойдете, то не ходите ради Неба, тварь, он, простите, скотина распоследняя, потом не поймете, откуда беда... Ежели приворотное зелье – это и я

могу, если кого-то со свету сжить... ну, труднее, но помогу тоже, а к Черному не ходите, у него не то что совести – подсовестка мелкого нету...

Старуха казалась по-настоящему встревоженной; на душе у меня царапнула непрошенная кошачья лапа, в то время как подбородок, гордый подбородок наследного Рекотарса сам собой задрался кверху. Старуха осеклась:

– Не хотела обидеть-то, господин... Не хотела...

Присела в неуклюжем подобии поклона, повернулась и затрусила прочь.

* * *

Дом был новехонький. Были в нем роскошь и щегольство, показное богатство и несомненный вкус, но отпечатка давних и славных времен, того особенного шарма, который самую захудалую развалюху способен превратить в Родовой Замок, – ничего этого не было и в помине. К благородной древности жилище господина Черно Да Скоро не имело никакого отношения: всего пару лет назад он изгнал из окрестностей соперника, колдуна помельче, и угнездился на холме со всем своим колдовским хозяйством.

Подниматься пришлось долго. Надо полагать, длинная и неудобная дорога вверх проложена исключительно для гостей – сам господин Черно не иначе как на помеле летает...

Перед воротами я остановился, но не из робости, а чтобы предаться ностальгии: вот так, согласно семейной легенде, на высоком холме стоял дом моего предка, Великого Мага Дамира, который был суров, но никого безвинно не обижал, знался с Прорицателями и самого Ларта Легиара, победителя Мора, держал одно время на побегушках...

Тем временем мое присутствие не осталось незамеченным. Черная ворона, бесстрашно сидевшая на воротах, покосилась на меня блестящим глазом и гаркнула, широко разевая клюв:

– Кто?!

Есть у меня недостаток – когда на меня орут, я сам начинаю орать в ответ.

– Кто?! – повторила ворона на повышенных тонах.

– Корова в манто! – рявкнул я, и ворона взмахнула крыльями, пытаясь удержать потерянное равновесие.

Некоторое время было тихо; ворона глядела в сторону, делая вид, что совсем меня не замечает. Потом скрипнули ворота; в образовавшейся щели показалась сперва рука с узкими ногтями на длинных пальцах, а потом и хозяин дома собственной персоной – а в том, что передо мной сам господин маг, сомневаться не приходилось, достаточно было один раз поймать взгляд цепких, раскосых, малость сумасшедших глаз.

В первую секунду мне показалось, что господин волшебник лыс, – голова его, голая, как яйцо, радостно ловила солнечные блики.

– Господин Черно Да Скоро? – осведомился я с церемонным поклоном.

Господин маг удивленно поднял бровь. Некоторое время мы смотрели друг на друга; хозяин высокого дома был немногим старше меня. Не годы проели плешь у него на макушке – продолговатый череп господина мага выскоблила до блеска острая бритва брадобрея.

– Чего? – переспросил наконец господин маг.

– Я хотел видеть господина Черно Да Скоро, – повторил я внятно и терпеливо. – Мне указали на ваш дом.

Длинное лицо моего собеседника сморщилось, будто он собирался расхохотаться. Зрачки раскосых глаз сошлись на переносице.

– Чонотакс Оро мое имя... Что касается черных, скорых и прочих эпитетов – не соблаговолите ли поцеловать в задницу вашего информатора?

Очень не люблю чувствовать себя дураком; именно это неприятное ощущение заставило меня закрыть глаза на грубость господина мага.

– Прошу прощения, – сказал я с самой милой улыбкой, на которую был способен. – Примите мои приветствия, любезный господин Чонотакс. С вами говорит правнук Великого Мага Дамира – возможно, вы слышали, что в замке у озера владевает сейчас некий Ретанаар Рекотарс...

У него был совершенно непроницаемый взгляд. Как у лягушки. Он не снизошел не то что до поклона – даже до небрежного кивка. Как будто я сообщил ему, что пасу стадо овец на ближайшем лугу.

Я подавил раздражение. Разобидеться и уйти было проще всего, но вряд ли господин маг что-то от этого потеряет. Бритоголовому субъекту ничего от меня не надо, а вот у меня есть надобность, и значительная, я не красна девица, чтобы отказываться от обеда только потому, что рожа повара мне не по нраву...

– У меня дело к господину магу, – сказал я, твердо глядя в ничего не выражающие глаза. – Незамедлительное.

* * *

Мне, ожидавшему, что гостиная в доме мага обязательно погружена в полумрак, пришлось прикрыть ладонью глаза – так туго било в окна солнце. Три больших зеркала отбрасывали солнечные лучи, на высоком потолке лежали три овальных световых пятна, и я не рискнул бы назвать их зайчиками. Ничего прыгуче-игривого в них не было, это были в лучшем случае «солнечные хряки», а то и вовсе «солнечные коровы», массивные, обрюзгшие, почему-то неприятные на вид; у меня, во всяком случае, сразу же занял затылок.

Мне было предложено кресло, по удобству сравнимое с пыточной скамьей. Впрочем, я и ожидал подвоха – а потому сделал вид, будто устроился вольготно.

Минут десять полагалось говорить ни о чем, хвалиться древностью рода и разглядывать висящее на стенах оружие; так, во всяком случае, я привык поступать, посещая в странствиях чей-нибудь кичливый замок. Господин Черно Да Скоро – вот приклеилось имечко, мысленно я называл своего собеседника именно так – этот самый господин оружия на стенах не держал, украшением служили развешанные тут и там пучки грубых ниток, напоминающие колтуны нечистых волос, и разглядывать их у меня не было никакой охоты.

Черно Да Скоро сидел напротив, за низким столиком, уперев локти в резную столешницу и положив подбородок на сплетенные пальцы. Чуть позже я узнал, что во всех случаях жизни он сидит только так – как будто слабая шея его не в состоянии выдерживать груз бритой головы, как будто обязательно нужно найти другую опору. Раскосые черные глаза сверлили меня насквозь – и при этом по-прежнему ничего не выражали. Ни вопроса, ни любопытства, ни даже насмешки.

– Любезный господин Чонотакс...

Я перевел дыхание и подумал, что, если каждая новая фраза будет даваться мне с таким трудом, разговор, пожалуй, не сложится.

Я рассчитывал получить нужные сведения, при этом ни единым намеком не раскрывая собственных печальных обстоятельств. Интересующей меня темой был Судья вообще, конкретным примером – некая юная дама, незаменимая с точки зрения сердечной привязанности и угодившая в Судную камеру, после того как своими руками зарезала ревнивца-мужа. Дама получила приговор с отсрочкой – я надеялся выяснить, кто из ныне живущих магов пролил бы свет на ее теперешнюю судьбу. На самого Черно надежда была невелика – после рассказов старосты он представлялся мне скорее самоуверенным провинциалом, нежели сколько-нибудь серьезным волшебником...

Время было начинать рассказ, но слова не шли с языка. Мы молчали минуту, пять минут, четверть часа; для хозяина, в чьем доме объявился неожиданный гость, это уже достаточный срок для того, чтобы начать беспокойно ерзать: а в чем, собственно, дело?

Черно Да Скоро сидел неподвижно, как изваяние. И не сводил с меня взгляда, так что ерзать приходилось мне.

– Любезный, э-э-э, господин... Чонотакс. Меня привела к вам... необходимость проконсультроваться со сведущим в магии человеком. Вы, конечно же, знаете, что род мой берет начало от мага исключительной силы и заслуг, – однако ни сам я, ни покойный батюшка... к сожалению, к этой области... не имели... касательства. Вы знаете также...

– Давай на «ты», – негромко предложил Черно.

Меня трудно сбить с толку, но теперь я растерялся. И не сразу смог эту растерянность скрыть.

– Давай на «ты», – повторил Черно, и его неподвижные глаза впервые за все это время мигнули. – Дело-то действительно есть; чем болтать – давай сразу и по-простому.

Я молчал. Мне очень не нравилось, когда инициатива так запросто уплывала к собеседнику, да и предложения сделать что-либо «по-простому» не радовали меня никогда.

Черно сильнее налег подбородком на пальцы – теперь его раскосые глаза смотрели чуть исподлобья.

– Не вертись – не отвертись... Замок развалился, имение оскудело – или ты от хорошей жизни бродяжничаешь? Чего ты по миру искал, не мое, конечно, дело, но что приволок петлю на шее – это заметно... Не сразу и не всякому глазу, но видно, Ретано, отметили тебя от щедрот, давай рассказывай, а байки я и сам выдумывать могу...

Я поморщился – слишком уж ярко бил отраженный зеркалами свет. Слишком уж резко.

Господин маг был чересчур волен в выражениях. Ретанаар Рекотарс никогда не «бродяжничал». Он странствовал инкогнито. Хорошее слово «инкогнито», покрывает все неизбежные шероховатости, вот только больно уязвимо для болтливых языков...

Черно наблюдал, как я пытаюсь сообразить, кто и где меня разоблачил; он заранее был уверен, что все мои попытки тщетны.

– Оставь, Ретано. Тебе нет смысла меня обманывать. Я тебе нужен, а не ты мне... Выкладывай.

Я вполне мог раскланяться и уйти. Но за пазухой у меня лежал круглый деревянный календарь: с первого взгляда кажется, что дней в году полным-полно, но для человеческой жизни все-таки недостаточно, даже если не принимать во внимание уже истекшие две недели...

Я остался.

Солнце, по моим расчетам, давно клонилось к западу, но зеркала все ловили жадной поверхностью горячие полуденные лучи, и всякий раз, когда в своей повести я хотел чуть-чуть отступить от действительности, язык отказывался мне повиноваться. Зеркала грубо и прямолинейно высвечивали правду, подавляя и отсекая все остальное; мне не удавалось приукрасить рассказ ни единой выдуманной деталью. Ловко устраиваются господа маги, но тем не менее выкладывать бритоголовому Черно все подробности последнего приключения не входило в мои планы.

– Эту часть рассказа мы пропускаем, – говорил я небрежно, не отводя глаз, – пропускаем, как не имеющую отношения к делу...

Черно морщился, но молчал. Я не стал посвящать его в историю со сборщиком налогов, смолчал о тюремных вшах и о предложении, с которым обратилась ко мне Тиса по кличке Матрасница, но в остальном мой рассказ был довольно подробным, и, доведя его до конца, я испытал нечто вроде облегчения.

Черно Да Скоро сидел, навалившись подбородком на сплетенные пальцы. Глаза его сделались совсем узкими, будто прорези маски.

– Еще раз, подробно. Что он сказал?

Я вздохнул. Речь Судьи по-прежнему помнилась мне до последнего слова.

– «Дорожка твоя в тину, Ретано, – начал я с отвращением. – Ты уже в грязи по пояс – а там и в крови измараешься...» Ну, здесь небольшой пропуск, а затем...

– Никаких пропусков! – рявкнул Черно, и на бритом черепе прыгнули солнечные блики. – НИКАКИХ пропусков в тексте Приговора, неужели не ясно?!

Я заколебался. События повернулись совсем не так, как я рассчитывал – но, сказав «а», следует помнить и о прочих буквах алфавита. Явившись к лекарю с непристойной болезнью, поздно краснеть и утаивать симптомы.

– «Сборщик податей, – выговорил я через силу, – повесился на воротах, кто-то скажет – поделом, но смерть его на тебе, Ретано. Ты тот же разбойник – где лесной душегуб просто перерезает горло, ты плетешь удавку жестоких выдумок. Год тебе гулять. По истечении срока казнен будешь... Я сказал, ты слышал, Ретанаар Рекотарс. Это все».

Минуту в ярко освещенной комнате было тихо. Черно не смотрел на меня – глядел в сторону, шевеля губами, с сомнением морщась, будто решая в уме сложную арифметическую задачу.

– Так что? – не выдержал я наконец.

– Ничего, – отозвался Черно с неожиданной беспечностью. – Ты, понятно, хочешь, чтобы никакие Судьи над твоей душой не стояли, а?

У меня внезапно перехватило дыхание. Слишком легко прозвучали эти слова. Слишком непринужденно.

– Никто не вправе судить меня, – сказал я глухо. – Надо будет – сам за себя отвечу...

– Понимаю. – Черно кивнул. – Ты хочешь, чтобы я это сделал? Снял с тебя Приговор?

– А ты можешь? – не удержался я.

Он улыбнулся.

Лицо его, лишенное выражения, вдруг преобразилось. Окрасилось нескрываемым удовольствием, темные глаза вспыхнули, рот растянулся до ушей.

– Могу.

Некоторое время мы молчали. Черно смотрел на меня, как сытый кот на обомлевшую мышь: расслабленно, с удовольствием, с какой-то даже отеческой грустью.

– Я могу это сделать, Ретано... Считай, что тебе повезло. Но и мне повезло тоже – потому как даром, сам понимаешь, такие услуги никто не оказывает...

– Сколько? – спросил я механически. Сердце мое трепыхнулось от радости: так просто?!

Черно растянул рот еще шире – хоть это, казалось, было уже невозможно:

– Экий ты практичный... Нисколько. Отслужи.

Оскорбление – как черствый ломоть хлеба. Так просто его не проглотить.

– Милостивый государь, – сказал я с отвращением, – заведите собаку, и пусть она вам служит. Или ваше последнее слово обращено к потомку Рекотарсов?!

– А что я такого сказал? – удивился Черно.

Я сдержался.

В комнате снова повисло молчание; солнечные пятна лежали на потолке как пришитые. Как будто здесь, в комнате с зеркалами, время не течет.

– Странные вы люди, – пробормотал Черно, обращаясь как бы к самому себе. – Собирать чужие налоги в личине фальшивого сборщика – это вот естественно для потомка Рекотарсов... А все прочее...

– Я заплачу, – сказал я зло. – Сколько скажешь, столько заплачу... «Все прочее» – не твое... дело.

Я хотел сказать «не твое собачье дело», но вовремя сдержался.

– Какие мы гордые, – пробормотал Черно Да Скоро, и, кажется, он был огорчен. Вся его бесстрастная физиономия как-то потемнела, и опустились кончики длинного рта. – Ладно... Знаешь, сколько это будет стоить?

– Я заплачу, – повторил я высокомерно, и тогда он назвал сумму.

Некоторое время я просто смотрел ему в глаза. С немым упреком; проще всего было предположить, что я ослышался.

– Сколько-сколько?!

Он повторил.

– Ясно, – сказал я шепотом. – Ничего ты не можешь. Цену набиваешь, паясничаешь, ты, колдун...

– Я сказал, а ты слышал, – пробормотал Черно знакомым до дрожи голосом Судьи. – Это все.

Я облизнул губы. На секунду мне поверилось, что Черно – это и есть Судья, только в другом обличье.

Он усмехнулся. Узкие глаза на мгновение вспыхнули – и тогда я понял, что нет, он не Судья, но он и не паясничает. Это я ошибся – передо мной вовсе не средней руки колдунишка. Чонотакс Оро знает себе цену и назначает плату за стоящий, по его мнению, товар.

Но и для меня товар ничего себе – жизнь...

– Совесть имей, – сказал я внезапно охрипшим голосом. – Я столько... у меня таких денег нет.

Он криво усмехнулся:

– Про первое мое предложение... помнишь?

– Нет, – сказал я холодно.

Чонотакс пожал плечами:

– Тогда замок продай. Какой-нибудь купец богатый, может быть, с родословной и купит...

– С родословной?!

– А мало ли дураков лезет в аристократы?

Я не нашелся что ответить. Солнце било в окно, отраженные лучи заставляли болезненно щуриться; я вдруг почувствовал, что мои глаза устали, саднят и слезятся.

– Погаси, – выдавил я, прикрывая лицо ладонью. – Хватит...

Солнце село в течение минуты. В зеркалах отразился умиротворенный золотистый закат, а я почти ослеп. Непросто после яркого света переключиться на полумрак; я видел только силуэт Черно. Маг – а он был-таки магом! – стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел в сад.

– Ты точно можешь это сделать? – спросил я беспомощно.

Черный силуэт в квадрате окна пожал острым плечом:

– У Судьи свои сильные стороны, у меня – свои.

– Сбавишь цену?

Он обернулся. Теперь бритый череп отсвечивал мягко, матово, в теплых закатных тонах.

– Не сбавлю. Не хочешь служить – так ищи деньги... или думай. Головой.

Я промолчал.

– Думайте, Ретанаар Рекотарс, – официальным тоном повторил тот, кого звали Чонотакс Оро. – Думайте... все в ваших руках.

В окно влетела ворона, сделала круг под потолком и оттуда, с высоты, торжественно нагадила мне на колено.

* * *

Всю неделю, прошедшую после посещения Чонотакса Оро, мной владела неуместная взвинченная веселость. Я искренне хвалил себя за смекалку, позволившую отыскать выход

из полной, казалось бы, безысходности; теперь передо мной была новая задача, непростая, но бесхитростная: раздобыть к сроку назначенную Чонотаксом сумму.

Всю неделю я пропивал последние деньги, гулял и веселился на всю округу, так что даже на самом распоследнем хуторе знали, что это «господин Ретано домой возвратимшись». Потом деньги кончились, наступило похмелье, я извлек на свет свой деревянный календарик и с ужасом увидел, что моя отмеренная жизнь сократилась еще на семь дней.

Идею о продаже замка я с ходу отмел, как циничную, – подобные бредни могли поселиться только в бритой голове корыстолюбивого Черно Да Скоро. Из других способов добычи денег мне на ум приходили почему-то кладоискательство, грабеж на большой дороге и шулерская игра в карты. Я прекрасно знал, что первое подчас бесполезно, второе – противно и опасно, а третье недостойно Рекотарса; мое радужное настроение улетучилось, и на смену ему явилась глухая тоска. Я в который раз пожалел, что, в отличие от легендарного предка, не способен к магии и не учен ее премудростям.

Много десятилетий тому назад Великий Маг Дамир, чье мужественное, чуть усталое лицо смотрело сейчас с трех разных портретов на стенах обветшавшего замка, много лет назад этот во всех отношениях замечательный человек одолел свирепого дракона, поселившегося во владениях барона Химециуса. Требовало чудовище жертв или нет – о том история умалчивает, но я склонен считать, что требовало-таки, это кажется логичным, у барона, как-никак, подрастали две красавицы-дочери, а сын был еще слишком мал, чтобы сесть на коня и взять в руки оружие...

Вот тогда-то в замке и появился Великий Маг Дамир, сопровождаемый верным слугой. А чуть позже появилась вот эта гравюра, изображающая моего предка в момент, когда он протыкает бестию копьем...

Я ближе пододвинул свечку.

Гравюра исполнена была любовно и тщательно – я видел гневное лицо своего предка, харю чудовища, совсем по-человечески искаженную злобой и страхом, и даже местность мог узнать – да, это южная оконечность охотничьих угодий, мне не раз случалось гулять там еще подростком. Помнится, в те времена я всякую свободную минуту посвящал фехтованию и, выхватив из ножен шпагу, самозабвенно играл в Мага Дамира, и от моих игрищ пострадал не один куст дикой малины...

Если бы мой предок Дамир мог услышать меня и прийти мне на помощь – разве понадобилось бы мне вступать в сделку с Черно Да Скоро?!

Тощая свечка догорала. Единственная свечка посреди темного, заброшенного, облупившегося замка...

Я вздрогнул.

Старый Итер давно спал в своей каморке – и все же я явственно слышал, как наверху, в запертых спальнях, тяжело отдаются чьи-то шаги. Вниз по лестнице...

Я никогда не был трусом.

Шаги остановились у двери, ведущей в кабинет. Шорох, будто от большой раскрытой книги; тяжелый вздох.

Тишина. Я сдержал дрожь.

Там, за порогом, никого нет. Это вздыхает замок.

ГЛАВА 3

– ...Госпожа Танталь, госпожа! Госпожа Алана... все не отзываются... Я думала, спят они долго, так уж и время завтрака прошло...

Служанка заламывала руки. Служанка чуть переигрывала – не было в ее голосе ни капельки беспокойства за непутевую госпожу Алану, был наигрыш, ухо прирожденной актрисы уловило его без труда. Хотя, если вдуматься, служанку винить не в чем – ну не прикипела она душой ко вздорной девчонке, которая швыряет свой ужин в лицо прислуге...

Рядом стояла темная, как тень, сторбленная полуслепая старушка. Стояла и молчала; Танталь стиснула зубы и положила ладони на покатые старушечьи плечи:

– Не волнуйся, няня...

– И мне не отзывается, – скрипуче проговорила старуха. – Всегда, бывало... молчит-молчит, а я попрошу – и откроет...

Танталь вскинула подбородок, одним взглядом оборвала фальшивые причитания служанки и двинулась в комнату Аланы.

– ...Или ты откроешь немедленно, или я пошлю за отцом.

За дверью было тихо. Ни дыхания притаившегося человека, ни скрипа половицы. Пусто. Танталь закусил губу. Ее раздражение мало-помалу сменялось беспокойством.

– Алана... Ты всерьез решила свести нас всех в могилу?

Тишина.

– За господином Соллем послать, – свистящим шепотом предположила служанка.

Танталь раздумывала. Она представила себе Эгерта, которому сообщают, что в запертой изнутри комнате его дочери тихо и пусто, ни живой души, никто не откликается...

По коридору затопали тяжелые башмаки. Слуга так торопился, что за сотню шагов успел запыхаться, как после долгого бега:

– Госпожа... Танталь... веревочка-то... из окна ее веревочка чуть не до земли, я дом обходил, так увидел...

Танталь проглотила горькую слюну.

Главное, что с мерзавкой ничего не случилось. Что не придется взламывать дверь и входить в комнату, ожидая увидеть... что? В роду Соллей вроде бы не было самоубийц...

– Клов. – Она обернулась к слуге. – Поднимись по веревке и открой дверь.

– Я?! – Слуга отшатнулся. – Так, госпожа Танталь... Я не дотянусь, веревочка высоко обрывается... и не выдержит она меня, во мне же, к слову сказать, не то что в госпоже Алане, я поупитанней буду...

Танталь хмыкнула:

– Кстати, как она вышла со двора? Ворота были отперты?

– Как можно! – возмутился слуга. – Я ворота на ночь запер и собак спустил, да только собаки госпожу Алану любят, а забор у нас так... Одна видимость, а не забор...

«Дикая кошка», – мрачно подумала Танталь.

Значит, за Эгертом все-таки придется посылать. Вызывать с занятий в Корпусе, сообщать, что дочь его Алана, благородная девица пятнадцати лет, покинула отчий дом посредством бельевой веревки, перелезла через забор и убыла в неизвестном направлении, короче говоря, сбежала...

– О-ой, – еле слышно вздохнула старая нянька, которой только теперь удалось доковылять до места происшествия. – Ой, девочка, как же...

– Вот что. – Ровный голос Танталь не выдал ее мыслей. – Во-первых, всем держать язык за зубами. Во-вторых... Клов, будь добр, пройди по трактирам. Начни с «Северной коровы»...

Служанка охнула. Танталь свирепо сверкнула глазами:

– Ты, Дюла, из дома ни на шаг. Я твой язык знаю.

И, не слушая возражений служанки, зашагала прочь. Вышла из дому, обошла его кругом, примерилась к бельевой веревке, свисающей из окна третьего этажа, огляделась, скинула туфли, подпрыгнула, со второго раза ухватила за узел на конце. Подтянулась на руках, взялась за веревку поудобнее, рывком подобрала юбку и, отталкиваясь от стены босыми ногами, влезла вверх, в окно. Слуги наблюдали разинув рты; по счастью, от оживленной улицы окно Аланы прикрыто было высоким старым тополем.

Перебравшись через подоконник, Танталь презрительно усмехнулась. Бегло оглядела царящий в комнате беспорядок и отодвинула засов, впуская заплаканную няньку.

У нее оставалась слабая надежда, что девчонку удастся отыскать раньше, чем о происшествии узнает Эгерт.

О том, чтобы сообщать о бегстве дочери госпоже Тории Солль, у нее не возникло и мысли.

* * *

Мужчин было двое – один коренастый и крепкий, издали видать, как посверкивают на богатой перевязи драгоценные камни; другой – высокий, весь в черном, будто грач, в широкополой шляпе, причем поля эти опускались книзу, прикрывая лицо едва не до подбородка. Я мельком удивился, как обладатель такой шляпы может ходить не спотыкаясь.

Оба пришли пешком. Ни один не заметил меня, проводившего послеполуденный час в зарослях около ручья; не то чтобы я так уж любил природу – просто солнце стояло очень уж высоко, и продолжать путь по жаре не хотелось ни мне, ни лошади.

Тем более странно было, что среди столь палящего зноя двое приличных людей задумали биться насмерть. А в серьезности их намерений я убедился тут же – коренастый содрал с себя богатый камзол, а высокий отшвырнул свою шляпу, и, не утруждая себя разговорами, благородные господа выхватили каждый по шпаге.

Я приподнялся на локте.

Коренастый был опытный боец. На скуластом лице грозно топорщились короткие каштановые усы, шпага хищно вспыхивала на солнце, мне несколько раз показалось, что черный человек не удержит удара, – однако тот всякий раз ухитрялся парировать, а затем переходил в контратаку, опасную, как прогулка голодной гадюки. Поединщики друг друга стоили.

Я замер. Больше всего мне не хотелось, чтобы лошадь, бродящая неподалеку, выдала сейчас свое присутствие: минутное замешательство для любого из дуэлянтов означало смерть.

Потому что «до первой крови» так не дерутся. Мой скромный опыт в этой области не позволял сомневаться в самых серьезных намерениях и того и другого.

Инициатива перешла к коренастому. Его противник имел преимущество в виде длинных рук – потому уса́тый, с виду неповоротливый и грузный, старался двигаться вдвое быстрее. Это было завораживающее зрелище; высокий использовал в основном уколы – коренастый обрушивал на противника удары, намереваясь пробить защиту и использовать преимущество в силе. Высокий начал выдыхаться – и заюлил, пытаясь развернуть соперника лицом к солнцу. В какой-то момент ему это удалось, но в этот момент ослепленный усач ударил что есть силы, и оборона высокого дала трещину.

Теперь они стояли лицом к лицу – высокий рукой зажимал рану на правом плече. Уса́тый побледнел и оскалился: подобный исход поединка не устраивал его ни в коей мере. Ему хотелось убить. Именно это желание читалось сейчас на хищной скуластой физиономии.

Высокий перебросил шпагу в левую руку и шагнул вперед. Коренастый соперник его ринулся в атаку, нанося удары в основном справа, будто пытаясь закрепить достигнутый успех; в планы его не входило победить красиво. Он намеревался просто победить.

Собственно, в его победе теперь уже не возникало сомнений; на его стороне была сила, но, как оказалось уже в следующую секунду, для успеха этого недостаточно.

Для успеха надо, чтобы на твоей стороне была судьба.

Именно в этот момент моей кобыле вздумалось выйти к ручью; удивленная поединком, она осуждающе фыркнула.

Возможно, коренастый боялся свидетелей. Возможно, его соперника чужие глаза заботили меньше; как бы там ни было, но коренастый вздрогнул и на мгновение отвлекся.

Высокий не упустил шанса, тем более что левая рука у него была не короче правой.

Усатый медленно повернул голову – возможно, потому, что на противника смотреть уже не было смысла. Здоровенный кусок железа уже сидел в боку, на щегольской рубашке расплозлось красное пятно, усач попытался вздохнуть – кровь запузырилась. Все еще укоризненно глядя в мою сторону, усач повалился на истоптанную траву.

Секунду спустя мой взгляд встретился со взглядом высокого.

У него было бледное, нездоровое лицо. Как будто вислые поля шляпы никогда в жизни не позволяли солнечным лучам коснуться этих впалых синеватых щек.

Я ждал, что он предпримет; он отвернулся, подобрал свою шляпу, вытер шпагу пучком травы и, не глядя на поверженного противника, двинулся прочь.

Прошло минуты две или три; поколебавшись, я выбрался из своего укрытия. Может быть, коренастый еще жив, сказал я себе без особой надежды. Во всяком случае, удрать, не убившись в его смерти, представлялось мне неестественным.

Я перешел ручей, стараясь не оступиться на скользких камнях; вода бурлила, намереваясь залезть ко мне за голенища. Коренастый лежал навзничь, не закрывая глаз, и глаза эти были уже неподвижными, тусклыми; перевязывать рану было поздно.

– Нет! Остановитесь! Не-ет!

Я похолодел и обернулся.

За стволами мелькнуло яркое, похожее на редкую бабочку платье; тонкий голос опять закричал, призывая остановиться, затрещали ветки под торопливыми ногами, я отшатнулся от покойника, намереваясь вернуться на свой берег ручья, – в эту самую минуту на поляну вырвалась женщина.

Не время было судить, красива она или нет. Не время было осуждать ее за показное богатство и некоторую безвкусицу в туалете; от бега щеки ее разгорелись, от волнения на шее выступили красные пятна, но, увидев на земле залитого кровью дуэлянта, она в мгновение ока сделалась белой, даже вроде бы желтоватой, как кость.

Что говорят женщинам в таких случаях?

Вероятно, следовало увести ее отсюда. Или дать напиток.

Губы ее шевельнулись; за плеском воды я не расслышал слов. На дрожащих ресницах мне померещились слезы.

Женщина, плачущая в моем присутствии... Я коротко вздохнул:

– Сударыня, судьба бывает такова, что...

– Я так и знала, – сказала она шепотом. – Я так и знала, что он плохо кончит.

Я запнулся, озадаченный.

– Ревнивец, – сказала она, с горечью глядя на распростертое тело. – Я знала, что рано или поздно он допрыгается... Ревность – болезнь со смертельным исходом.

Я стоял по колено в ручье. Ноги мои замерзли; она наконец-то оторвала взгляд от лежащего и посмотрела на меня – глаза ее были печальны, но совершенно сухи.

– Я не осуждаю вас, – сообщила она со вздохом. – Терпеть его грубые выходки... У меня тоже не доставало нервов, честное слово.

Я облизнул губы.

Я всегда по праву гордился тем, что быстро соображаю. Вот и сейчас – после секундного замешательства рассудок завопил мне, что надо немедленно убираться; женщина смотрела на меня, ей было лет двадцать пять, из-под затейливой шляпки выбивался светло-русый завиток.

Ярко-зеленые глаза...

Перед ней стоял в ручье высокий мужчина в черном. Я привык путешествовать в черном – в дороге ведь не напасешься прачек...

Я всегда верил в судьбу. В частности, в свою собственную; яркое платье женщины – повседневное, видать, платьице, в котором можно запросто бегать по лугам, – посверкивало драгоценными камнями. Двумя изумрудными искрами поблескивали широко посаженные глаза.

– Вас будут преследовать, – сказала она устало. – В землях герцога Тристага дуэли запрещены под страхом смерти.

Новые новости.

Над водой висела стрекоза. Остроносые мальки доверчиво тыкались в черную кожу моих сапог.

Интересно, а каков был повод для ревности, если дама не знает кавалера в лицо?..

* * *

Круглый деревянный календарь преследовал меня даже во сне. Солнце, неуловимо похожее на Чонотакса Оро, скалилось и поводило лучами, а бородатые ветра хохотали, разевая бесформенные пасти: что, достукался?

Мне снилось, что время убывает, как вода в песок.

...Ее муж при жизни был знатен, богат и ревнив. Ревность он забрал с собой в могилу, знатность пышно обустроила его усыпальницу, а богатство... Богатство осталось молодой жене с зелеными глазами.

Обо всем этом я догадался раньше – разговоры в поселке только подтвердили догадку. Говорили возбужденно и много – все знали, что благородного господина Дэра укололи на дуэли, что сам герцог Тристаг приезжал выразить соболезнования вдове и заодно выяснить, не знает ли кто имени убийцы?

Имени никто не знал. Человек в черной шляпе явился ниоткуда и исчез никуда, а я потратил последние деньги, чтобы разжиться обновкой: белой шелковой рубашкой и безрукавкой из тонкой темно-красной замши.

Госпожа Дэр надела траур. Над башенками дома-замка уныло повисли черные флаги; ворочаясь на жесткой койке скверной деревенской гостиницы, я вспоминал обеспокоенный зеленый взгляд и смуглую грудь в вырезе дорогого платья. Богатая вдова, тихо говорил здравый смысл, и молодой таракан на стене – юноша, только что покинувший отчую щель, – в согласии поводил усиками.

Ее звали Ивилина. Ее состояния вполне хватило бы на выкуп моей жизни, да еще осталось бы немножко на прожитие – жить-поживать в старом замке Рекотарсов на пару с зеленоглазой женушкой...

Таракана потешали мои бредовые идеи. Таракан смеялся.

* * *

...Случилось так, что круглую дату – два месяца со дня приговора Судьи – я встретил в постели зеленоглазой прелестницы.

По правде говоря, посылая Ивиле первый букет, я не особенно верил в успех предприятия. Это было к тому же и рискованно – а вдруг вдовушка, одумавшись, передаст меня в руки

правозащитника-герцога? Я для нее был убийца мужа и свидетель ее собственного преступления, ибо как ни верти, а она пособничала злодею, не донося на него, то есть на меня, властям.

А если б донесла?!

По понятным причинам, я не рассчитывал на успех и первый букет послал без надежды – однако дело внезапно пошло на лад, да такими темпами, что мне пришлось приостановиться и решить один очень важный для себя вопрос.

Возможно ли мне, Ретано Рекотарсу, ухаживать за женщиной ради ее денег?

Невозможно, без всяких компромиссов сказал мне голос крови. Никак.

А потому, если я хотел достичь заветной цели и откупиться в итоге от Приговора Судьи, мне следовало научиться ухаживать за Ивилиной ради самой Ивилины. Проще говоря, влюбиться.

За свою жизнь мне случалось проделывать это неоднократно; я влюблялся сотни раз, и порою до гроба, мне всегда казалось, что нет ничего проще, чем испытать к особе противоположного пола сердечную привязанность. Теперь оказалось, что влюбиться по заказу куда тяжелее, нежели просто вызвать у дамы ответное теплое чувство.

Как бы там ни было, а, вспомнив опыт собственных отроческих страстей, я принялся влюбляться в Ивилину Дэр.

Я поступил просто – всякий раз, получая от жизни удовольствие, вспоминал свой зеленоглазый объект и шептал его имя. Я говорил «Ивилина», вдыхая запах жареного мяса, я воображал ее лицо, удобнее устраиваясь на скрипучей кровати, и даже пышный бюст горничной, обтянутый кокетливым передничком, был для меня лишним напоминанием о прекрасной вдове. После нескольких дней настойчивых упражнений я убедился, что мысли об Ивилине вызывают у меня в душе приятный трепет, а значит, я влюблен, а значит, могу ухаживать за вдовушкой, не вступая в конфликт с собственным представлением о порядочности.

После этого дело пошло просто и быстро; Ивилина скоро смирилась с тем, что убийца ее мужа оказался столь пылок и очарователен. Правда, влюбленность в нее давалась мне все труднее и труднее – я почему-то обиделся за покойника Дэра, ревнивого коренастого усаха. По моим понятиям, безутешная вдова – пусть даже и постылого мужа – как-то иначе должна относиться к его убийце...

Тем не менее прошло два месяца со времени Судной ночи, и по веревочной лестнице я взобрался в указанную мне спальню.

Богатство не считало нужным как-либо скрываться. На туалетном столике горели пять тонких витых свечей, в их свете комната, полная шелков, парчи, бархата, гобеленов и золотых безделушек, почему-то напомнила мне не то склад, не то тайник разбойничьей шайки. Даже ночная посуда под кроватью изготовлена была из тончайшего фарфора и расписана позолотой; Ивилина полулежала на подушках, и по ее округлым бокам струился шелк ночной сорочки. Кокетливо поддернутый рукав позволял видеть белую и пухлую, как у младенца-переростка, ручку. Я задержал дыхание.

О, прекрасная Ивилина! Твои формы...

Сколько может стоять дом со всем содержимым? А еще поместье? Если отдавать целиком – выйдет дешевле, но распродавать все это великолепие в розницу хлопотно и долго, где прикажете искать, например, покупателя на этот роскошный ночной горшок?..

Ивилина переменила позу; под белым шелком колыхнулись груди, как две огромные капли, смолистые капли со ствола исполинской сосны, мне показалось, что я даже запах ощущаю – свежести, смолы и леса...

С другой стороны, кто сможет купить все это одновременно, какой богач, какой золотой мешок? Не выйдет ли ненужных кривотолков, не пожелает ли герцог Тристаг, к примеру, получить часть денег в виде налога на продажу?..

– Как вы прекрасны!

Кто это сказал? Неужели это я опустил до банальности?! Да и голос прозвучал как-то тускло – как будто я залез не в спальню к роскошной даме, а на отсыревший безрадостный сеновал...

Ивилина таинственно улыбнулась. Я должен любить ее, подумал я с испугом. Иначе выходит, что я корыстолюбивый расчетливый соблазнитель, негодяй и прочее. Я немедленно должен ею восхититься!..

С опаской ступая по необычайно ворсистому ковру, я приблизился к возлежащей даме. На белой ночной сорочке имелся кокетливый черный бантик – знак траура по мужу.

...А кстати, сколько времени продлится траур? Успею ли я жениться на ней за оставшиеся десять месяцев?

Я мысленно застонал. Опустился на колени, едва не задев некстати подвернувшийся горшок; Ивилина протянула мне руку, пальцы пахли незнакомыми духами, я поцеловал розовую ладонь, а затем, подумав, легонько укусил красавицу за мизинец.

– Ах, – сказала Ивилина. – Шалун... Насмешник, Ретано, откуда ты взялся, чудо, я не в силах противиться... силе, исходящей от тебя страсти...

Я часто задышал. Во мне боролись двое – неистовый любовник и холодный оценщик, и ни один не мог победить. И оба ужасно мешали друг другу.

– Сегодня... ты такой... ты молчишь. И я замираю... Когда ты молчишь и вот так смотришь, Ретано, мое сердце уходит в пятки, ты пугаешь меня, Ретано... это сладкий страх...

Любовник, неся потери, все же теснил оценщика с занимаемых позиций. Мои руки сами собой легли на теплые плечи зеленоглазой красавицы; Ивилина вздрогнула, полуоткрыла губы, и этот ее порыв доконал оценщика надежно и навсегда.

– Рета-ано...

– Любовь моя...

У ее губ был свой собственный, одуряющий запах. Вся одежда, оказавшаяся на мне в тот момент, оказалась вдруг лишней.

– Рета-ано...

На короткий миг я забыл, где нахожусь. И о том, кто такая Ивилина, и о собственных стесненных обстоятельствах; этот момент стоил жизни – но именно в эту минуту в дверь спальни оглушительно забарабанили тяжелые неделикатные кулаки:

– Госпожа Дэр! Откройте, немедленно откройте, госпожа Дэр!

Губы моей прелестницы мгновенно сделались холодными и безжизненными. Тонкие пальчики капканом сдавили мне запястье.

– Ретано... О нет. Скорее...

Дверь, казалось, готова была слететь с петель. Торопиться, на мой взгляд, было уже некуда.

– Бегите, Рекотарс... Ради Неба... Скорее прочь...

Ивилина метнулась к окну, выглянула вниз, испуганно отшатнулась, прошептала со слезами в голосе:

– Сторожат... Это Крод, это он, скотина... – и мне, уже без слез, с плохо сдерживаемой злостью: – Вы погубили меня! В постель!

Последнее распоряжение настолько не вязалось с происходящим, что я заколебался.

– В постель! – прошипела Ивилина, теряя остатки томности. – Чтобы не нашли... с головой!

Как был, в одном сапоге и рубаше нараспашку, я кинулся под балдахин и зарылся в груды одеял, а расторопная Ивилина подкинула мне вслед недостающие части моего гардероба.

– В чем дело? – громко спросил ее спокойный сонный голосок.

Стук оборвался.

– Немедленно откройте дверь, – с торжеством потребовали снаружи. – Есть сведения, что в дом пробрался вор!

Под одеялами нечем было дышать. Я, конечно, мечтал оказаться в этой постели – но не в таком же виде!

– Вы разбудили меня, – с упреком сообщила Ивилина, лихорадочно уничтожая следы моего пребывания. – Я с трудом заснула... Меня преследовали кошмары, поэтому я заснула при свечах...

– Немедленно откройте!!

Хотел бы я знать, что за самодовольный мужлан имел право так грубо и бесцеремонно вторгаться в личные дела моей Ивилины.

Звякнул, отодвигаясь, засов. Комната сразу наполнилась тяжелыми шагами – вошедших было человек пять, не меньше. Моя шпага была тут же, под одеялом, – но дотянуться до рукояти означало выдать себя.

– В чем дело, Крод? – спросила Ивилина уже возмущенно. – Какое право вы имеете обращаться со мной подобным образом?

Вот-вот, подумал я уныло. Как по-моему, так и дверь отпирать не следовало. Дверь крепкая, авось бы устояла...

– Здесь душеприказчик вашего покойного мужа, с ним нотариус, – Крод был, судя по голосу, старше пятидесяти, – и я, как единственный родственник покойника, обязан способствовать тому, чтобы условия завещания соблюдены были в точности...

Последовала пауза. При слове «завещание» даже у меня сам собой подобрался живот.

– Условия? – негромко спросила Ивилина; она изо всех сил старалась держать себя в руках, но голос ее все равно выдал. Об условиях мужниного завещания она слышала, как и я, впервые.

– Подай бумаги! – велел кому-то другой, властный голос; по-видимому, это и был душеприказчик. После минутной тишины ко мне под одеяло донесся явственный шелест бумаги.

– Ты не говорил мне, Крод, – изменившимся голосом сказала Ивилина. Душеприказчик ее мужа издал горлом странный звук – не то усмехнулся, не то чихнул.

Снова зашелестела бумага.

– Вот, – торжественно заявил душеприказчик. – По сему документу все имущество господина Рэгги Дэра, а также угодья, а также дом, а также поместье... переходит в собственность его жены, госпожи Ивилины Дэр... Да, «...владеть и пользоваться вышеуказанными богатствами в том случае, если на протяжении десяти лет со дня смерти мужа своего она сохранит целомудрие, не вступит в новый брак и не изменит памяти мужа, совершив блудодейство... Если же такой факт будет иметь место, то все имущество господина Рэгги Дэра, а также... а также... и поместье... переходит во владение его троюродного брата, господина Тагги Крода, и в собственность его детей и внуков, если таковые будут...»

Я лежал в дамской шелковой постели, под толстым слоем одеял, и мне было тоскливо. Тоненькая струйка воздуха едва просачивалась сквозь горы кружев, и пахла она не духами и благовониями – паленым пахла воздушная струйка, жареной судьбой несчастного Ретано Рекотарса.

Если во владениях герцога Тристага запрещены дуэли – может быть, здесь предусмотрено и специальное наказание для ловеласов?..

Пауза затягивалась.

– Проклятый ревнивец, – шепотом сказала Ивилина. – Негодяй... Ревнивая тварь!

– Ищите, – удовлетворенно приказал кому-то Тагги Крод. Достоин восхищения, подумал я мрачно. Ты богач, дяденька, ты честно заработал наследство от троюродного братца...

– Ищите! – истерично выкрикнула Ивилина. – Ищите всюду! Взялись унижать женщину – так унижайте до конца, чего там, раз уж собственный муж опустил до подобного завещания

– не считайтесь с моей стыдливостью! С моим целомудрием! С моим отдыхом, в конце концов. Ищите!

– Да ищите же! – прикрикнул Крод на кого-то, кто смутился, по-видимому, от горячих слов Ивилины.

Заскрипели дверцы шкафа. Жалобно звякнули склянки на туалетном столике; кто-то, кряхтя почти над самым моим ухом, наклонился и заглянул под кровать.

– Ищите! – крикнула Ивилина сквозь слезы; спустя секунду ее тело обрушилось на меня сверху. Со стороны это выглядело, наверное, очень трогательно: несчастная женщина повалилась, рыдая, в подушки.

Никогда в жизни на мою долю не выпадало ТАКИХ испытаний!

Я был в постели с прекрасной женщиной, ее тело, прикрытое одной только шелковой сорочкой, содрогалось от рыданий и плотнее прижимало меня к тюфяку. Разделявший нас слой одеял казался лишним – в то же время по комнате, тяжело ступая, бродили сыщики и заглядывали во все щели в поисках прелюбодея, то есть меня.

– Ищите! – уже раздраженно повторил Крод.

– Нет никого, – отозвался, оправдываясь, сиплый молодой голос.

Я слышал, как Крод прошел через комнату и распахнул окно.

– Эй! – крикнул он кому-то, караулившему внизу. – Не было?

Снизу ответили что-то невнятное, но без сомнения в том смысле, что нет, никто на клумбу не прыгал.

– Ищите, – всхлипнула Ивилина. – Ищите... Крод, с этой минуты вы мне не родич. Не смейте показываться мне на глаза... Душеприказчик есть – вот пусть он десять лет под спальней и караулит!

Кто-то из сыщиков не удержался и присвистнул. Кто-то – наверное, душеприказчик – возмущенно засопел. Я потихоньку задыхался, лишенный притока воздуха, придавленный пышными формами вдовы.

– А теперь убирайтесь, – сказала Ивилина устало. – Сегодня ночью я получила истинное представление о мужчинах... После этого вам не о чем тревожиться, господин душеприказчик. До конца жизни я не подпущу к себе никого из этих подлых, низких, мстительных, ревнивых, вздорных, нахальных, бесстыдных, жестоких, глупых, продажных, бессовестных тварей!

Мне сделалось неуютно. Каждое слово Ивилины будто вбивало гвоздь мне между лопаток – видимо, я чувствовал свою перед ней вину. По меньшей мере половина перечисленных эпитетов относилась и ко мне тоже.

– Э-э-э... – заикнулся кто-то, наверное, нотариус. К сопению душеприказчика присоединилось сопение прочих, и несколько минут ничего не было слышно, кроме всхлипываний Ивилины и этого всепоглощающего сопения.

Я проделал среди кружев дырочку и тихонько перевел дыхание. Если все закончится благополучно, сказал я сам себе, то я честно признаюсь Ивiline во всем. В собственной низости. Расскажу ей и про Судью, и про Черно Да Скоро, пусть сама судит меня, пусть даст пощечину, в конце концов...

– Уходите, – повторила Ивилина шепотом. – Пожалуйста, оставьте меня в покое. Не растягивайте собственный позор, избавьте...

– А-а-а! – завопил Крод, и в крике этом было столько торжества, что я мгновенно покрылся потом.

– Что это? – спросил Крод страшным голосом. – Что это, а? Что это, я вас спрашиваю?!

– Где? – Ивилина приподнялась на локте, и этот острый локоток болезненно впился мне в ребра.

– Что это? Ослепли? Не видите?! Пряжка от мужского пояса!!

– Пряжка от мужского пояса, – с суеверным ужасом повторили нотариус и душеприказчик.

– Где? – повторила Ивилина удивленно.

– Вот!

– Да где же?

– Да вот!

Ивилина села на кровати, то есть на мне, и в следующую секунду воздуха стало много, слишком много, и много стало света, потому что пять свечей после кромешной темноты показались мне яркими, как полуденное солнце.

– Во-от!

Тот, что сорвал с меня одеяла, был невысок и плешив. Правый его глаз сверлил меня с мрачным торжеством, зато левый уплывал куда-то в сторону, к уху, я вспомнил, что мельком видел этого красавца в поселке, – он сидел в трактире и пил, пил, пил...

Шпага моя осталась по другую сторону кровати – вместе с ножнами и поясом. Еще четверо мужчин – из них двое здоровенные молодые парни – уставились на меня с радостным удивлением; я сполз с подушек и отступил к стене, машинально поправляя на себе остатки одежды.

– Кто это? – загремел Крод, оборачиваясь к белой, как простыня, Ивiline. – Кто это, любезная вдовушка? Что за человек лежит в вашей постели, что это вы тут говорили про ревнивых, вздорных...

– А-а-а! – завизжала Ивилина, тыча в меня пальцем и отступая в таком ужасе, будто увидела живого мертвеца. – А-а-а! Это он, он!

– Конечно, он, – удовлетворенно кивнул душеприказчик. – Видно, что он, а не она...

– Это убийца Рэгги! – взвизгнула Ивилина так, что у меня заложило уши. – Убийца моего мужа, я видела его там, у ручья, он... его разыскивает стража герцога! Хватайте его, он хотел убить и меня!

Замешательство длилось всего четверть секунды – но мне хватило этого времени.

Хватило, чтобы перемахнуть через кровать, подхватить шпагу, ножнами отбросить с дороги господина Крода, перепрыгнуть через подставленную ногу душеприказчика, на ходу сбить одного из парней и прыгнуть в раскрытое окно – с риском сломать шею.

Судьба издевательски улыбнулась мне – я упал на мягкое, это мягкое охнуло и осело, увлекая меня на землю, и осталось там лежать, в то время как я вскочил; следующим, вставшим у меня на пороге, оказался угрюмый лакей с заранее приготовленной дубиной.

Он ударил – я увернулся. Он замахнулся еще – я поднырнул под его оружие и ударил головой под дых, отчего бедняга сразу же потерял ко мне интерес.

Залаяла спущенная с поводка собака, но я был уже на стене. Скатился по ту сторону, в ужасе оттого, что лошади может не оказаться на месте; впрочем, лошадь оказалась самым порядочным существом во всей этой истории. Она ждала меня там, где я ее оставил.

ГЛАВА 4

Теперь каждый стражник в городе знал, кого надлежит высматривать на улицах, и девчонки, имевшие на вид около пятнадцати лет, страдали от повышенного к себе интереса. Охранники у городских ворот клялись, что за последние два дня ни одна подозрительная девчонка из города не вышла; Танталь мрачно хмурилась, слушая эти клятвы. У Аланы хватит изобретательности выбраться из города незамеченной. Если только она не сделала этого раньше – сразу же после побега...

Танталь слишком долго верила, что сбежавшая Алана вот-вот объявится в одном из городских кабаков. Аланина выходка была отповедью на попытку ограничить ее свободу, а значит, дрянная девчонка попытается наказать отца, выбрав среди городских притонов самый скверный и стыдный; к сожалению, скоро сделалось ясно, что побег Аланы не выходка, а поступок.

Вместе с беглянкой исчезли часть ее вещей и все украшения, когда-то подаренные Алане матерью. Девчонка не собиралась устраивать из своего побега представление – она просто ушла, и, вероятно, по ту сторону забора ее ждали.

От этой мысли Танталь сделалось дурно. О том, КТО мог поджидать богатенькую дуреху за воротами отчего дома, можно было строить сколько угодно предположений. Танталь не стала обсуждать их с Эгертом, но тот и сам прекрасно все понимал. Темные ямы вокруг его глаз делались все глубже.

Из города отправлены были три гонца по трем дорогам – человеку, который вернет в отчий дом пропавшую Алану Солль, назначено было значительное вознаграждение. Для опознания предъявлены были четыре бродяжки, в том числе одна десятилетняя соплюха и одна грудастая бабища. Появлялись во множестве сведения, что Алану видели там-то и там-то, причем нередко одновременно в удаленных друг от друга местах; полковник Солль ездил на опознание трупа, выловленного в реке. Вернулся изможденный, черный лицом – встретившись с ним взглядом, Танталь закусила губу и поклялась избить Алану до крови. До полусмерти, кулаками, палками, ремнем; пусть только появится. Пусть только вернется живая...

На пятые сутки Аланиного отсутствия всплыли наконец-то кое-какие полезные сведения. В гостинице под названием «Храбрый шмель» некоторое время обреталась труппа бродячих комедиантов; нашлись глаза, несколько раз выдавшие в их компании девушку, которая сильно смахивала на искомую дочь полковника Солля.

Труппа покинула город ранним утром – как раз в тот день, когда Алана исчезла. Хозяин гостиницы, прижатый к стенке, не мог толком сказать ни «да» ни «нет» – была ли девчонка в числе отъезжавших? Или не было? Так ведь ушли-то на рассвете, на двух повозках, комедианты, их дело темное...

Через час после получения сведений из городских ворот вылетел маленький конный отряд. Стражники спешили отыскать в паутине дорог размалеванные повозки комедиантов, а в одной из повозок – девчонку с лицом дерзкого подростка.

Во главе отряда скакал, без нужды понукая лошадь, полковник Эгерт Солль.

* * *

Моему намерению получить все и сразу вряд ли суждено было осуществиться.

Вместо вожделенного вдовушкиного состояния я вполне мог заработать топор и плаху – причем за преступление, которого не совершал. Пять дней я бежал, спеша уйти как можно

далее от владений герцога Тристага; на шестой день кобыла едва держалась на ногах, и мы неторопливо ковыляли рядышком – я и она.

Облетала с веток желтеющая листва, а на стерне сжатых полей поблескивали ниточки паутины. Я смотрел на все это широко раскрытыми глазами – каждый летящий за ветром листок был уходящей в небытие секундой. Неостановимое время; мы с моей кобылой брели среди подступающей осени, и, весьма вероятно, это была последняя осень в моей жизни...

Я содрогнулся и достал из-за пазухи свой календарь.

Осень... Против осенних месяцев щедрой детской рукой нарисованы были пузатые тучи с глазами, из этих глаз, круглых и томных, вроде как у коровы, ручьями лились нарисованные дожди. Что мне делать – сесть на обочину и рыдать?!

По-видимому, необходимую сумму придется собирать понемногу. Таскать в свой заброшенный замок, как пчела носит мед, – по капельке, а ведь пасечник потом наполняет доверху пузатые бочонки...

Правда, на пасечника работает неутомимая прорва пчел. А я один, и, кроме меня, о драгоценном Рекотарсе ни одна скотина не позаботится...

– Пошла! – прикрикнул я на загрустившую лошадь, звонко шлепнул по вороному крупу и зашагал быстрее.

* * *

Лей, ливень, ночь напролет.

Сырость выползала из подвала, просачивалась в щели, проступала пятнами на каменных стенах; до морозов еще далеко. Стекла еще нескоро подернутся изморозью – снаружи льется вода, изнутри оседает пар от дыхания...

Он мерз. Обнимал плечи руками, тер голый затылок, прерывисто вздыхал. Мерз.

Три зеркала в гостиной потускнели, будто слепые глаза. Будто подернутые туманом окна; ох и густой туман. Ох и клочковатый. Ох и тяжелый, будто серый расплавленный воск...

Он провел по зеркалу тряпкой – мягкой ветошкой. Стороннему наблюдателю показалось бы, что он наконец-то взялся за уборку – стирает накопившуюся пыль...

Сторонних наблюдателей не было.

Он провел раз и еще раз; тонкая пленка, отделявшая его руку от скопившегося в глубине зеркала тумана, сделалась еще тоньше. Взялась радужными переливами, как мыльный пузырь, и спустя секунду треснула; прореха расползлась, закручиваясь трубочками по краям, и серая масса тумана получила наконец-то свободу.

Он выронил свою ветошку на пол. Ее сразу же не стало видно – тяжелые клубы растекались по полу, они казались облаками, видимыми сверху, в какой-то момент в его помутненном рассудке мелькнуло видение – он летит, раскинув руки, над плотным слоем туч, земли внизу не видно, но ведь она наверняка есть – земля...

– Амулет, – сказал он глухо.

Серый слой туч разорвался. Далеко внизу лежала, посверкивая на зеленом ковре, золотая пластинка со сложной фигурной прорезью. Он протянул руку – слой туч сомкнулся.

Он коснулся ладонью бритого лба. Не было полета, не было облаков – только зеркало, вспоротое, будто подушка, и валяющие из нее клочковатые внутренности – плотный туман. Комната тонула в нем. Комната утопала.

Он поднял голову.

Серый столб, поднявшийся чуть не до самого потолка. Неясно проступившее человеческое лицо. Молодое, очень жесткое. Очень. Золотая искра, сверкнувшая и погасшая где-то на уровне груди.

Он судорожно втянул воздух – туман, попадая в легкие, перехватывал дыхание.

Из тумана слепились еще три фигуры. Три женщины. Одна поменьше, другая побольше, третья... Третья фигура – расплывчатая, смазанная, постоянно меняющая очертания, клонящаяся к земле...

Он прищурился.

Вот оно. Нити.

Все три были связаны с тем, носящим золотую искру. Напряженными нитями, такими живыми, такими цепкими, что не верилось, будто их может породить туман...

Впрочем, туман порождает лишь видимость. Тень.

В его ушах отозвалась лишь тень трех имен – но он сумел расслышать и запомнить.

И, уже теряя сознание, удовлетворенно улыбнулся.

Вот теперь он знает все.

* * *

Промозглым осенним вечером я вернулся в отчий замок, и не один. Со мной приехали оценщик, торговец недвижимостью и одышливый купец – предполагаемый покупатель.

Что мне оставалось делать?! Я был всем и делал все. Я давал уроки фехтования, играл в кости, учил молоденьких девиц хорошим манерам, выдавал себя за ученого и фокусника, волшебника и оборванца – но желанная цель в виде горы денег не приблизилась ни на волосок.

Со времени Судной ночи миновало два месяца и три недели. Со дня моего визита к Черно Да Скоро – ровно шестьдесят семь дней.

Мне было стыдно. Мне было невообразимо мерзко, но продажа замка – единственное, что приходило теперь на ум. Слуга Итер, которому я сухо сообщил о положении дел, разинул рот, всплеснул руками да так и остался стоять.

Троица разбрелась по замку, по-хозяйски осматривая комнату за комнатой, пяля глаза на фамильные портреты, не пропуская ни щели, ни уголка; у меня было такое ощущение, что меня самого щупают грязными руками. И, стиснув зубы, приходится терпеть.

Покупатель был из тех купцов, которым для полного счастья не хватает принадлежности к древнему аристократическому роду; покупатель бродил по замку, то прозрачно улыбаясь, то хмурясь, то цокая языком. Замок ему нравился – однако он, как опытный купец, прекрасно умел прятать свои истинные чувства под слоем показных.

– Ремонта требует строеньице, – скорбно сообщил оценщик.

– О том и говорилось, – подтвердил я угрюмо. – Ремонт – дело ваше... А только замку много сотен лет, здесь жили бароны Химециусы, а потом потомки Мага из Магов Дамира... И сам он тут жил. Стены крепкие, хоть осаду выдержат, хоть что, ров глубокий...

– Вода высохла, – вздохнул оценщик с такой грустью, будто речь шла о чьей-то иссякшей крови.

– Кстати, – обеспокоенно поинтересовался купец, – а подъемный мост можно еще привести в рабочее состояние?

Я пожал плечами. Мне вдруг страшно захотелось, чтобы сделка не состоялась. Пусть им не понравится замок. Пусть мы не сойдемся в цене.

– Я прошу за него... – Я назвал сумму, затребованную Чонотаксом Оро. Купец крякнул, торговец недвижимостью пожал плечами, оценщик обеспокоенно завертел головой:

– Да вы, сударь, раза в два перебрали... Не стоит замочек таких денег. Старый-то старый, все честь честью, да только запущен больно... Тут на один ремонт...

– Как хотите, – сказал я с облегчением. – Не хотите – дело ваше...

– Вы, сударь, очевидно, находитесь в стесненных обстоятельствах? – осторожно поинтересовался купец. – Иначе зачем бы...

– Мои обстоятельства – мое дело. – Гордый подбородок Рекотарсов сам собой задрался кверху. – А оценивать древнейший в округе замок с точки зрения ржавых дверных петель... – И я вскинул подбородок еще выше, хоть это, казалось, было уже невозможно.

– Молодой человек... – Оценщик вздохнул. – Западная башенка обвалилась – это раз. Подъемный мост не поднимается – это два. Все левое крыло грозит обрушиться после первого хорошего дождя, а состояние каминов и печей...

– В лесах этого замка, – я поднял палец, – Маг из Магов Дамир уничтожил свирепого дракона, о чем свидетелем битвы, бароном Химециусом, была выдана специальная Грамота. За этими стенами сотни людей скрывались от недругов и от Мора. Этот замок наводил ужас на врагов, вселяя в сердца друзей трепет надежды; этот замок...

– Мы сторговались бы, – задумчиво сказал купец, поглаживая бороду так осторожно, будто она могла отвалиться.

Я осекся. Какой позор – потомку Мага из Магов расхваливать родовой замок, как товар на торгу...

А что происходит сейчас, как не торг?!

– Надеюсь, – купец пожевал губами, – что вышеназванная Грамота и прочие документы... С ними можно ознакомиться?

У меня свело скулы. Сдержав себя, я принес реликвию и даже позволил купцу взять ее в руки; впрочем, когда потянулся оценщик, я безо всякого почтения его одернул.

У купца был наметанный глаз. Ему приходилось иметь дело с документами – настоящими и фальшивыми; с содроганием в сердце я смотрел, как чужой человек изучает реликвию моей семьи на предмет подлинности...

– Маг из Магов Дамир... – Купец пожевал губами. – Гм... Я заплатил бы.

Его спутники воззрились на него удивленно и радостно.

– Я заплатил бы, если бы вы чуть уступили... – Названная купцом сумма была меньше той, что желал получить Черно Да Скоро, но ненамного. Оценщик хмыкнул – купец явно предлагал лишнее за приглянувшийся товар. А я думал, что все купцы скупердяи...

Будь честен перед собой, желчно сказал мне здравый смысл. Если бы ты не собирался продавать замок – зачем было тащить сюда эту троицу? Зачем вся эта унижительная процедура – чтобы в конце концов впасть в истерику и отказаться от спасительных денег? Не честь продаешь – всего лишь старое строение... И не ради каприза, а спасая собственную жизнь..

Будто опровергая доводы здравого смысла, сердце мое болезненно сжалось.

– Он еще колеблется, – проворчал торговец недвижимостью, но за ворчанием скрывалась радость – процент от сделки выходил немалый.

– По рукам? – спросил купец, видя, что я готов согласиться.

Я поднял глаза – Маг из Магов Дамир глядел на меня с портрета. Ни осуждения, ни возмущения, ни сколько-нибудь сильного чувства не было в этом взгляде; я впервые подумал, что художник был, наверное, бездарен.

– По рукам? – повторил купец.

Я набрал в грудь воздуха:

– По ру...

Пламя в камине взметнулось. Столбом вытянулось в трубу, тут же распласталось, норовя вытечь из-под каминной решетки, холодный ветер прошелся по без того сырому залу, и за спинами у нас явственно послышался стон.

Купец, оценщик и торговец недвижимостью в ужасе завертели головами; я сидел неподвижно, потому что то, что увидел я, им только предстояло увидеть мгновением позднее.

Под высоким окном, забранным решеткой, стоял, сгорбившись, невысокий шуплый человек лет пятидесяти. Никто, даже будучи незнакомым с природой призраков, не отнес бы при-

шельца к миру живых. Человек под окном был чем-то сильно огорчен; горящие глаза его, глаза призрака, казались тем не менее беспомощными и близорукими.

– А-а-а?!

Купец, оценщик и торговец жались друг к другу. Привидение последний раз взглянуло мне в глаза, махнуло рукой, будто говоря «а, не все ли равно», прихрамывая, удалилось в дальний угол зала и там растаяло в воздухе.

Я мельком подумал, что у призрачного Судьи были совершенно другие повадки.

Прошло несколько минут в гробовой тишине, после чего купец сказал «уф», торговец громко высморкался, а оценщик пожал плечами:

– Видите ли, дорогой господин Рекотарс... Не стоило скрывать от нас наличие в замке призраков.

– Я не скрывал, – огрызнулся я внезапно осипшим голосом.

– Вы хотите сказать, что видите его впервые? – желчно поинтересовался торговец недвижимостью.

– Вот именно, – буркнул я уже раздраженно.

– Наличие призрака сильно влияет на стоимость, – задумчиво пробормотал оценщик. – В одних случаях сбивает цену, в других, наоборот, прибавляет покупке веса... Как вы думаете? – обернулся он к купцу.

Купец сидел белый как мел. Щеки его, еще недавно круглые и тугие, теперь обвисли пустыми мешками.

– А это мысль, – оживился торговец. – Если вы уж решились платить за замок завышенную цену... Видите ли, отнюдь не в каждом замке имеется призрак, и вам, можно сказать...

– Я не буду его покупать, – сказал купец глухо. Оценщик и торговец переглянулись.

– Видите ли, – мягко начал оценщик, – купить замок отдельно от призрака по нынешним временам не представляется...

– Я не буду его покупать! – Купец встал. – Я вообще не буду покупать этот замок!

Послышалось ли мне злорадное хихиканье в камине?

Гости удалились – впереди решительный купец, за ним, как полы мантии, оценщик и торговец; я еще посидел в темном зале, потом спустился в подвал и мертвецки напился. До икоты.

* * *

Комедианты спешили. Размалеванные повозки сумели проделать неблизкий путь; другое дело, что скрыться, затеряться среди хуторов комедиантам никак невозможно. Все равно что свечке прятаться среди темной ночи – все, видевшие повозки хоть раз, уверенно указывали путь их продвижения. Маленький отряд, предводительствуемый Эгертом Соллем, не отдыхал.

Комедиантов настигли под вечер; повозки тянулись в гору, заходящее солнце золотило их подрагивающие бока. Испуганные люди обернулись навстречу налетевшему, как возмездие, отряду; предводитель труппы был грубо схвачен за воротник и притянут к оскаленному лицу Солля:

– Где?!

Спутники полковника уже перетряхивали повозки и заглядывали в лица перепуганным женщинам.

Предводитель труппы облизнул пересохшие губы:

– Кого... изволите... искать?

Ошибки быть не могло – именно эта труппа с ее двумя повозками две недели без малого гостила в «Храбром шмеле». Именно этот круглолицый, внешне безобидный актеришка сманил за собой дурочку Алану.

Эгерт обернулся к спутникам:

– Ну?!

Стражники растерянно разводили руками. Девчонки не было ни в одной из повозок, и среди пеших путников ее не было тоже.

– Где она? – бросил Солль в лицо перепуганному предводителю.

– Она ушла, – плаксиво сказала полная женщина с выразительными, как у печальной лани, глазами. – Благородный господин, помилуйте, сама ведь привязалась, нет сил... Мы ее сперва гнали – так она уперлась, как репей прицепилась, Небо свидетель, а потом, в Гнилищах, ей наскучило, мы уже не пускали, одной девчонке-то бродить... незачем... так разве удержишь, норовистая, что твоя лошадь, благородный господин, в чем мы провинились-то, ежели вы ее ищите, так в Гнилищах ищите... удрала...

Селение Гнилищи осталось далеко позади, на расстоянии дня безостановочного пути. Солль огляделся – актеры переминались с ноги на ногу, все как один растерянные и перепуганные.

Солль с трудом подавил в себе недостойное желание хлестануть кого-нибудь кнутом. Без единого слова развернул лошадь и поскакал назад.

И потому не видел взгляда, которым обменялись комедианты за его спиной.

* * *

Часы пробили девять, когда трактир стремительно начал пустеть. Добрые поселяне, еще мгновение назад степенно беседовавшие за столь же доброй выпивкой, внезапно обрели способность говорить без слов: из угла в угол заматались красноречивые взгляды, и разговоры стихли один за другим. На столах оставались недопитые кружки; староста, увлеченный, все еще рассказывал, но проходящий мимо парень тронул его за плечо и указал глазами куда-то мне за спину. Староста проследил за его взглядом – и фонтан его красноречия иссяк.

– Прощеньца прошу... Запаматовал... дельце одно... здоровья и процветания господину Ретанаару, со смирением – прощайте...

Трактир к этому времени напоминал оставленную беженцами деревню: все вверх дном и ни живой души в округе. Староста поспешно проковылял к двери – тогда я наконец-то сподобился повернуть тяжелую, будто окованную железом голову.

В углу за моей спиной сидел Чонотакс Оро собственной персоной. Сидел, навалившись локтями на стол и опустив на сплетенные пальцы продолговатую, выбритую до блеска голову.

Жаль, что посетители трактира разбежались. Что никто, кроме трактирщика, не видел того приятельски-покровительственного взора, которым я, Ретанаар Рекотарс, ответил на цепкий взгляд зазнавшегося мага. Собственно, так и должен смотреть уверенный в себе властитель на колдунишку, обитающего в его землях...

– Привет, Ретано, – сказал Черно Да Скоро, не поднимаясь из-за своего стола. – Достал деньги?

Теперь я должен был либо продолжать разговор через весь опустевший обеденный зал, либо встать и подойти к мерзавцу-Черно. Как мальчик.

– Достану – тебе сообщу, – отозвался я прохладно. И отвернулся, давая тем самым понять, что разговор окончен; но неужели господин маг зашел в деревенский трактир затем только, чтобы пропустить стаканчик вина?!

– У меня к тебе дело, Ретано, – громко сказал Черно за моей спиной. – Поговорим?

Сердце мое пропустило один удар.

Не то чтобы я успел к тому времени отчаяться. Не то чтобы я сдался. Я не так просто отчаиваюсь и, уж конечно, не сдаюсь. До назначенного Судьей срока оставалось еще девять месяцев, и я был уверен, что что-нибудь придумаю, – но неудача, особенно крупная, отнимает

силы, а в последнее время неудачи преследовали меня по пятам. Вот почему небрежное приглашение Черно заставило меня так болезненно встрепнуться.

«Послужи»...

Наверняка он вернется к прежнему разговору. Более того, назначая за мое освобождение неимоверную цену, он заранее знал, что разговор состоится снова...

Некоторое время я занимался только тем, что скрывал от посторонних глаз свои чувства. Черно Да Скоро ожидал – не отрывая подбородка от сплетенных пальцев, не сводя с меня насмешливого взгляда.

– Поговорим, – сказал я наконец. – Здесь?

Последний вопрос должен был означать, что я не боюсь чужих ушей. То есть я их, конечно, еще как боялся, но выказывать этот страх перед Черно не собирался ни в коей мере.

Самоуверенный маг прекрасно понимал, что я блефую. Тонкие губы его растянулись, обозначая усмешку.

– Не здесь, не бойся. Разговор будет долгий... У меня.

* * *

Очень скоро обнаружилось, что в темное время суток в огромном доме Чонотакса Оро не горит ни один огонек. Ни свечечки; первый раз я споткнулся уже на пороге. Черно Да Скоро как ни в чем не бывало отпер дверь, легко, ничего не касаясь, прошествовал в глубину коридора и двинулся вверх по лестнице. Он видел в темноте – и снова демонстрировал свою силу и превосходство над прочими смертными. Я брел следом, то и дело спотыкаясь, задевая, опрокидывая, ударяясь локтями; кажется, сам дом в угоду хозяину подставлял мне ножки.

– Сюда.

Слабый порыв воздуха сообщил мне, что передо мной открылась дверь.

– Ты бы свечку зажег, – сказал я зло. – Гостя привел все-таки, любитель дешевых эффектов...

Я ждал, что он оскорбится, ждал ответной колючей насмешки, но после короткой паузы Черно отозвался вполне миролюбиво:

– Ты извини, я не держу свечей. Ни свечей, ни каминов. Не люблю огня.

И отдернул тяжелую штору, впуская в комнату слабый свет переполовиненной луны. Мир вокруг меня обрел очертания – стол, два кресла, матовый отблеск на голом черепе Черно Да Скоро и корешки книг на полках вдоль стен. Никаких излишеств. Никаких декораций, уместных в жилище мага.

– Садись. – Черно указал мне на одно из кресел, и на этот раз подвоха не случилось. Удобное сооружение с высокой спинкой сооружено было для того, чтобы на нем сидели, а не для насмешек над незадачливыми визитерами.

Две встречи было у нас в этом доме. Первая – в режущем глаза свете. Вторая – в темноте...

– А зимой? – спросил я машинально. – Как зимой без огня?

– Холодно, – отозвался Черно опять-таки после паузы, и я почувствовал что-то вроде смущения. Как будто мой вопрос был неприличен.

В огромном темном доме было тихо. По-видимому, здесь не водилось даже мышей.

– Слуг не держишь? – Я сознавал некоторую бестактность расспросов, но почему-то не мог остановиться.

– Нет.

А что он, интересно, ест? Без огня-то? Сырое мясо?!

Мне на секунду стало страшно. На одну только секунду – как будто Черно Да Скоро свирепый людоед, заманивший меня в темный дом, откуда и криков-то слышно не будет...

– Не бойся, – устало сказал Черно.

Страх мой тут же растаял под напором ярости.

– Ты что, умом рехнулся? Кто боится, я?!

– Не ори, – попросил он все так же устало. Сел в кресло напротив, тут же оперся локтями о колени и уронил подбородок на руки. Мне не видать было его лица – только череп поблескивал, будто еще одна, тусклая, комнатная луна.

– Сколько тебе осталось, Ретано? Девять месяцев и три дня?

Я криво усмехнулся. Мне почему-то не понравилось, что он так точно помнит сроки. «Сколько тебе осталось?» – так спрашивают смертельно больных о предполагаемой дате кончины...

– Девять месяцев, – задумчиво повторил господин маг. – Будешь еще барахтаться?

Эта фраза не понравилась мне еще больше. А главное – тон, каким она была произнесена. Словом «барахтаться» обозначалось действие мелкое, суетливое и, что интересно, совершенно безнадежное.

– Ты искал других магов, Ретано?

Я сжал зубы. Вопрос был задан небрежно, но под ним скрывался крупный подтекст.

– А почему я не мог этого делать? – Голос мой, кажется, прозвучал вполне невозмутимо. – Разве я давал обещание не обращаться ни к кому, кроме тебя? Ты просто первый подвернулся мне под руку...

Я желал поставить самоуверенного Черно на место. Низвести до орудия, выполняющего мой заказ.

И еще я хотел скрыть неуверенность. Потому что я действительно искал других магов, более покладаистых... или менее корыстолюбивых. И оказалось, что людская молва, населяющая могущественными колдунами чуть ли не каждый хутор, – что эта молва бессовестно лжет. Господ магов не так много, как о том говорят. А более-менее могущественных и того меньше; я две недели потратил на то, чтобы вычислить некоего мощного волшебника, на которого мне указали, не сговариваясь, две деревенские колдуньи. Какова же была моя горечь, когда после всех поисков выяснилось, что означенный маг живет на земле Рекотарсов и имя ему – Чоно Таксоро или что-то в этом духе...

– Девять месяцев, – сказал я с усмешкой. – Девять месяцев – большой срок, за это время можно ребенка выносить, не то что...

– Не обманывая себя, – с коротким вздохом оборвал меня Черно. – Никакой ребенок просто так не родится. Я первый подвернулся тебе под руку, но, кроме меня, тебе никто не поможет. Никто.

Стало тихо. То есть совершенно тихо – ни сверчка, ни дуновения ветра, ни мышинной возни. Мертво.

– Ну и что же? – спросил я через силу.

– А я могу тебе помочь.

– Ты за этим меня позвал? Или я тряпочка, чтобы впитывать потоки твоего тщеславия?

Он молчал, а потому я в раздражении добавил:

– Знаешь что, стань перед зеркалом, вертись и приговаривай: «Я самый могучий волшебник... Я самый могучий волшебник...» А меня оставь в покое. Мне нужно время, чтобы заработать для тебя эти поганые деньги...

Я хотел добавить: «Чтоб ты ими подавился», но в последний момент удержался. Не на базаре.

– Мне не нужны деньги, – сказал Черно Да Скоро.

Я поморщился. Я знал, что ему надо.

– Мне не нужны деньги, – повторил он печально. – Собственно, у меня и так все есть... из того, что можно купить за золото. Хотя эта грань... между «покупается» и «не покупается», она такая зыбкая... Неуловимая...

Я по-прежнему не видел его лица.

– Я не так тщеславен, как тебе кажется, Ретано... Все вещи на земле имеют свою цену. И даже те, что не покупаются, имеют цену тоже. Я не «любитель дешевых эффектов», тут ты не прав.

Мне стало неловко. Голос Чонотакса звучал ровно, без нажима, но за ним скрывалась усталая, полная достоинства обида.

Поразительный народ эти маги, подумал я с удивлением. Или мне только померещилось, что он непробиваем, непоколебим, как лягушка? Или я ухитрился-таки его уязвить?

– Не прав так не прав, – сказал я примирительно.

Некоторое время мы молчали.

Интересно, он живет без огня ВООБЩЕ? Никогда не греется у камина? Никогда не отдыхает у костра?

В полном одиночестве, избегая даже слуг. В компании одной только вороны...

– Я не хотел тебя обидеть, – пробормотал я извиняющимся тоном.

Его глаза блеснули в темноте – кажется, насмешливо.

– Я помогу тебе, Ретано... Но и ты помоги мне тоже. Не служба, ладно, я неудачно выразился вначале, из-за этого все пошло наперекосяк... Не служба. Услуга за услугу. Это твоим принципам не противоречит?

Я опустил глаза. В последнем вопросе прозвучала неприкрытая издевка.

– В некоем городе, – непринужденно продолжал Черно, – живет некое благородное семейство, я хочу, чтобы юная наследница этой семьи стала тебе женой.

– Только и всего? – спросил я после паузы.

Он мигнул. Не знаю, мигают ли совы, но Чонотакс в эту минуту был вылитая сова, я не удивился бы, если бы он заухал.

– Странные вы люди, – пробормотал он себе под нос. – Что можно наследнику Рекотарсов, чего нельзя наследнику Рекотарсов... Ты ведь и сам хотел жениться, ради презренных денег, на вдове...

Меня передернуло.

– Может, тебе нужно время на размышление? – поинтересовался он заботливо. – День, два, неделя? Ведь у тебя в распоряжении еще девять месяцев, и ты мог бы...

– Зачем тебе? – спросил я глухо. – Зачем тебе такая... услуга?

– Очень просто. – Он потянулся, не размыкая сплетенных пальцев. – В качестве приданого потребуешь книжку, написанную дедом этой девочки, называется «О магах»... Копию, разумеется, копию, подлинник они не отдадут... Привезешь в свой замок, благо он еще не продан, девочка будет тебе, книжка – мне, в качестве платы... И вместо девяти месяцев жизни у тебя впереди окажется целая вечность. Годы и годы, Ретано, почти бессмертие...

– Ты же сам маг, что тебе стоит добыть какую-то книжку?

Он поднялся. Только что потягивался, как кот, и вдруг оказался стоящим у окна, черный силуэт на черном фоне и матовый отблеск луны на голом черепе.

– А вот это уже не твоя забота, Ретано. Сделаешь или нет? Или будешь деньги искать? Или будешь за другими магами бегать, чтобы за день до срока, когда по всем статьям будет поздно, прыскавать ко мне с круглыми глазами? А?

Я потянулся рукой к груди. Отнюдь не для того, чтобы помассировать слабое сердце, – а затем только, чтобы коснуться деревянного календаря, хранимого за пазухой, календаря, где каждый прожитый день аккуратно вычеркнут тонкой иглой.

– Когда жизнь длинна – и жена сгодится, – афористически заметил Черно.

И я увидел, что он улыбается. Двумя белыми рядами блестящих здоровых зубов.

* * *

Утром следующего дня я тронулся в путь. Бессонная ночь глухо отдавалась в затылке, но медлить я не хотел. Отосплюсь по дороге.

Подпрыгивал в такт лошадиным шагам мой наполовину пустой дорожный сундучок. Укоризненно смотрел в спину замок Рекотарсов, который я едва не продал, в котором оставались теперь за хозяев постаревший сгорбленный Итер да еще призрак с близорукими глазами, щуплый призрак, неизвестно чей, потому что в роду Рекотарсов все были выше среднего роста и на зрение никогда не жаловались...

И все же я уезжал с легким сердцем.

Почти бессмертие. Жизнь длинна.

ГЛАВА 5

Раньше мне не случалось иметь общих дел с магами. Заверения Черно о том, что он будет посильно содействовать мне в дороге, не вызвали у меня особого доверия – однако дни шли за днями, кобыла не только не уставала, но, кажется, молодела и хорошела на глазах, погода стояла великолепная, а постоянные дворы попадались дешевые, сытные и без клопов. Мало-помалу я вошел во вкус – путешествия с магической помощью представлялись мне чем-то вроде увеселительных прогулок, и потому, когда примерно на половине пути с неба обрушился вдруг сплошной холодный ливень, я испытал едва ли не обиду.

Или Черно забыл, какие в этих местах дороги? Или он думает, что моя кобыла умеет плавать в раскисшей глине?

Я крепко застрял на постоялом дворе. То есть я думал, что крепко застрял, но на другой же день хозяин взвинтил цены, кухарка подала на ужин тухлое мясо, а из жесткого матраса толпами полезли скверные твари. Такое впечатление, что Черно решил разом отплатить мне за бывшее везение; истратив весь запас ругательств, проведя бессонную ночь и напоив своей кровью полсотни разнообразных насекомых, я выехал на рассвете.

Дождь прекратился.

Я уверенно направился туда, где, согласно расспросам, лежала цель моего путешествия, – дождь зарядил снова, да такой, что мы с лошастью моментально превратились в два мокрых, холодных, заляпанных грязью мешка. Я проклял обманщика Черно и повернул лошадь вспять; тучи тут же рассеялись, как тараканы с наступлением утра.

Только тогда я заподозрил неладное и, перебрав в памяти инструкции Черно, вспомнил о его подарочке, замшевом мешочке: в нем, как в футляре, полагалось везти обратно приданое моей невесты, книгу «О магах». Мягкие бока мешочка вышиты были черным бисером – безо всякого узора и рисунка; господин компаньон велел мне время от времени любоваться вышивкой, и первые дни путешествия я так и делал, но потом – поскольку я не дама и рукоделий не ценю – забыл, запомнил, отвлекся...

Господину компаньону, будь он неладен, пришлось напомнить.

Прямо среди чиста поля я перерыл свой сундук в поисках заветной вещицы; мешочек лежал на самом дне, в углу, хотя я прекрасно помнил, что укладывал его под крышку. Мешочек посверкивал бисером; там, где раньше мне виделись просто россыпи черных точек, теперь явственно просматривался вышитый на замше глаз. И я сразу понял чей – узкий, пристальный, малость сумасшедший. А ведь прежде – я готов был поклясться – никакого глаза здесь не было.

Мы стояли посреди дороги – я и лошадь. Вдалеке виднелось селение с ненавистным постоянным двором, и как-то сразу обнаружилось, что вокруг глубокая осень, отдаленный лес стоит голый, как шлюха, поля сжаты, а дорога покрыта лужами. Налетел холодный ветер – и спасибо ему, должен же я был оправдаться перед собой за те малодушные холодные мурашки, что прошли по моей спине от первого прикосновения Чонотаксова волшебства...

Знак понуждал меня изменить направление. По непонятным причинам Черно Да Скоро пересмотрел свои планы, и теперь я должен был ехать в сторону, недвусмысленно указанную резкой сменой погоды.

Кто сказал, что без господ магов этот мир скучен?! Я предпочел бы благородную скуку сомнительному развлечению быть флюгером. Флажком на карте господина Чонотакса...

Я влез в седло и пустил лошадь вслед за лоскутком синего неба. Вслед за уходящим солнцем; скрипя зубами, я ехал туда, где желал меня видеть непредсказуемый господин маг.

* * *

Я нагнал их на следующий день.

Две сытые лошади тянули две повозки; бока их – повозок, а не лошадей – разрисованы были смеющимися и рыдающими лицами, черепами, картами, молниями и прочими знаками судьбы. Комедианты выглядели хуже – усталые и пропылившиеся, они шагали рядом с повозками, не решаясь, как видно, утруждать лошадей своим тощим весом. Их было шестеро – трое мужчин, красивая женщина в добротном плаще, молодая горбунья с подведенными глазами и девчонка лет пятнадцати, в рваном платье с чужого плеча, странно сторбленная, припадающая на обе ноги.

Я обогнал их на длинном подъеме. По мне скользнули один за другим шесть взглядов. Предводитель труппы – круглолицый малый с косматыми бровями – смотрел хмуро и неприветливо, пара его спутников – равнодушно, красавица привычно улыбнулась, горбунья часто замигала, а девчонка...

Собственно, девчонка смотрела на меня дважды. Сперва коротко – мгновение, я успел разглядеть только, что один глаз у нее утопает в сини кровоподтека. Потом, уже опередив неспешно бредущую труппу, я поймал второй ее взгляд – и мне сделалось жарко.

Она умоляла. Я не понял о чем, но взгляд был отчаянный, как будто она тонула в колодезе, но кричать не могла, а могла только смотреть...

Я придержал лошадь и спросил как мог приветливо:

– Куда путь держите, добрые комедианты?

Предводитель нахмурился еще больше, двое парней удивленно на меня воззрились, красавица заулыбалась живее, горбунья вздохнула. Девчонка смотрела вниз – в серую дорожную пыль.

– Люблю театр, – соврал я ласковым голосом.

– А вы приходите на представление, – не менее ласково пригласила женщина. – Окажите милость, благородный господин, как до ярмарки дойдем, так и сыграем...

– А далеко ярмарка? – поинтересовался я живо.

– Там... – Женщина неопределенно махнула рукой. Мужчины переглянулись; один был здоровенный детина с лицом сельского дурачка, в жилах другого явно имелась примесь аристократической крови, он был, вероятно, бастард, не прижившийся в замке распутного батюшки...

Я посмотрел на девчонку.

Если бы она подняла взгляд хоть на минуту, если бы повторила свою беззвучную просьбу – кто знает, как сложилась бы дальше эта встреча на дороге.

Но она смотрела в пыль. Я засомневался.

Мало ли какие беды могут постигнуть девчонку, приставшую к комедиантам? В особенности если ее руки белы, пальцы тонки, а светлые всклокоченные волосы знавали лучшие времена. Кто знает, не повторяет ли она судьбу вот этого молодого бастарда – рожденная для лучшей доли, но получившая от судьбы дорогу, повозки, холодный осенний ветер...

– Приду поглядеть, – пообещал я вежливо. Развернул лошадь и поскакал вперед.

* * *

Эгерт вернулся черный, как головешка, с растрескавшимися на ветру губами, измученный и постаревший. Он надеялся, что Танталь выбежит навстречу и через всю улицу закричит, что Алана давно дома; его надежда угасла при первом же взгляде на ее лицо, но он все-таки спросил, сам не зная зачем:

– Нет?

– Нет.

Было холодно. По дому бродили сквозняки. Старая нянька вот уже неделю не поднималась с постели.

Эгерт обыскал селение Гнилищи. И все близлежащие хутора; в камине трещал огонь, Танталь сидела рядом, сгорбленная, не похожая на себя, на ее лице медной маской лежал отсвет пламени, Эгерту смутно вспомнились другой камин, и другой огонь, и другая женщина, и теплое огненное море, на дне которого он впервые коснулся своей жены, тогда девушки, Тории, неизменно прекрасной...

– Надо Тории сказать, – негромко пробормотала Танталь.

Эгерт, не глядя, покачал головой.

* * *

Ярмарка действительно имелась, и совсем неподалеку – на дороге как-то сразу сделалосьлюдно, окрестные жители щеголяли праздничной одежкой, особенно меня поразила одна хозяйшкa, восседающая на верхушке высоченной пирамиды из мешков. Рискую свалиться – а телега то и дело ныряла колесом в дорожные выбоины, молодка как бы невзначай поддерживала цветастый подол, выставляя на всеобщее обозрение новые сапоги, желтые, как дыня, до блеска смазанные жиром. Носик гордячки, и без того вздернутый, задирался тем временем на совсем уж немыслимые высоты. Ей казалось, что сапоги сверкают, затмевая своим блеском всю ярмарку, да заодно и солнце.

Торги тянулись не первый день – вокруг запруженной людьми площади успели подняться горы хлама и отбросов. Бродячие псы разжирели настолько, что допускали до поживы хозяйских кошек, чистых и ухоженных, но неудержимо стремящихся вкусить порока среди мусорных куч. Я поморщился, мой нос был слишком нежен для богатой запахами свалки.

Вероятно, следовало ехать дальше, однако в стороне от площади стояла гостиница, каменная, непривычно добротная для простого селения, и мне до зуда в коже захотелось горячей воды, мягкой перины и спокойного ночлега.

Я остался.

Ночь мне отравили собаки, устроившие под самым моим окном сперва оргию, а потом побоище. Утром я высчитал пять монет из платы за комнату – на покрытие морального ущерба; хозяин возмутился было, но я одним взглядом отбил у него охоту спорить. Пусть лучше приструнит собственных псов.

Не отдохнувший, но вполне довольный собой, я собрался продолжать свой путь и, между прочим, объехать при этом ярмарочную площадь десятой дорогой. Намерению моему не суждено было сбыться – даже за три переулка от торгующего улья слышны были совместные усилия глухого барабана и визгливой дудки.

– Комедианты! Комедианты!

Ловкий мальчонка стянул булку из корзины зазевавшейся матроны, любительницы искусства.

– Комедианты! Айда, комедианты!

Некоторое время я раздумывал. Потом любопытство взяло верх; не сходя с лошади, начальственно покрикивая на заступивших дорогу зевак, я двинулся на площадь, туда, где пестрели размазанными боками уже знакомые мне повозки.

Комедианты лупили друг друга тряпичными дубинками. Тот, которого я принял за бастарда, плясал, изображая марионетку, и здорово плясал, и лицо его оставалось при этом неподвижным и отрешенным, как и подобает кукле. Горбунья пищала тоненьким голоском,

потешая публику, а красавица томно прохаживалась, выставив перед собой груди, будто буш-прит.

Девчонки не было нигде.

Моя лошадь не желала стоять спокойно, ее раздражала толпа, ей мешало визжание дудки; сам не зная почему, я не спешил уезжать. Небрежно успокаивал кобылу – и смотрел. Чего-то ждал.

Детина с лицом деревенского дурачка прошелся по кругу с глиняной тарелкой. Платили не щедро, но и не скупой, я видел, как предводитель труппы по-хозяйски ссыпал денежки в кожаный мешок у себя на поясе.

Куда, пес побери, они девали девчонку?!

Я соскочил с седла. Толпа раздавалась, освобождая дорогу, мне не пришлось даже пускать в ход локти; через минуту я смог привязать лошадь к деревянным ступенькам одной из повозок.

...Она была здесь.

Моим глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть к полумраку, и потому в первую секунду мне показалось, что на щелястом полу лежит мешок. А потом мешок пошевелился и блеснул в темноте белками, и я увидел, что девчонка лежит на боку, заведя руки за спину, и что рот у нее завязан.

Странно, но я не удивился. Как будто в любой повозке у любых комедиантов можно при желании отыскать человека, связанного, как колбаса. Как жертва лесных разбойников...

– Интересная пьеса, – сказал я скорее себе, нежели девчонке.

Она еле слышно втянула в себя воздух.

Снаружи хохотала довольная жизнью толпа.

* * *

Народ, явившийся в тот день полюбоваться представлением, получил в итоге зрелище куда более интересное. Случилась драка; странное наитие руководило мною: отражая сильные, но бестолковые удары нападающей на меня троицы, я ухитрился еще и играть на публику – охать, ахать и корчить рожи, и большая часть зрителей убеждена была, что вся эта схватка – хитрый комедиантский ход...

По-настоящему скверный момент был только однажды – когда красавица подобралась ко мне сзади и огрела чем-то тяжелым по голове. Я ухитрился не потерять сознания, но боль все равно была жуткая, доски под ногами встали дыбом, и я почти сразу обнаружил себя лежащим на брюхе, и увалень успел дважды ткнуть меня ногой в ребра, довольно чувствительно, а потом я понял, что у бастарда в руке нож.

Как я смог увернуться – знают только заляпанные кровью доски. Бастард бил натихую, так, чтобы со стороны все выглядело как мой внезапный обморок; я перехватил руку с ножом и выставил ее на всеобщее обозрение, а потом дотянулся ногой до бастардова тощего живота. Публика к тому времени сообразила уже, что комедия плавно переходит в мордобой, и рассортировалась сообразно вкусам: матери поспешно уводили детей, азартные драчуны подзадоривали попеременно меня и комедиантов, а наиболее пугливые кинулись за стражей – разнимать.

Комедиантам стража была без надобности; в какой-то момент я обнаружил, что стою на подмостках один, аплодисментов не слышно, зато в задних зрительских рядах поблескивают шлемы местных блюстителей порядка. Голова болела немилосердно; кобыла, честь ей и хвала, не сорвалась с привязи, не перепугалась и не впала в истерику, и у меня появилась возможность втащить девчонку в седло, что я, собственно, и сделал, и хорошо, что стражники нас не догнали, – воображаю, что именно наговорили обо мне комедианты...

Хотя комедиантам как-то не принято верить.

В детстве я обожал истории о рыцарях, которые спасали принцесс. Спасали от драконов, железных великанов, в крайнем случае от людоедов – от комедиантов не спасали никогда, потому что это уже не трагедия, а фарс. Принцесса, взятая в плен шайкой злобных паяцев!

И конечно же, в тех давних историях никогда не описывался обратный путь спасителя и спасенной. Которую надо везти в седле, чем-то кормить и как-то устраивать на ночлег и как-то приводить в чувство, потому что, комедианты, как выяснилось, бывают хуже людоеда...

Да и принцесса поначалу вела себя странно. Она не плакала у меня на груди и не рассказывала свою печальную историю. Она не обещала золотых гор, которые отвалит мне в благодарность ее заботливый папаша, – она не назвала даже своего имени. Она только сообщила сквозь зубы, куда ее следует отвезти. И все; раздосадованный, с шишкой на темени и синяками по всему телу, я потащил ее по направлению к отчому дому.

И только на половине пути меня наконец осенило. Я понял, кого, куда и зачем везу. Черно Да Скоро не зря поливал меня осенним дождичком, подсказывая дорогу. Таких совпадений не бывает; господин маг вел меня за ручку, и девчонка, ради которой я получил тяжелым предметом по башке, почти наверняка та самая, которая предназначена мне в жены.

Впервые в жизни моя судьба оказалась в чужих руках. Я увидел себя марионеткой, куклой на длинных ниточках Черно Да Скоро, и осознание это не принесло мне радости.

Будто почувствовав перемену в моем настроении, Алана наконец-то раскололась. Оцепенение, владевшее ею с момента памятной драки на подмостках, сползло с нее, обнажая с трудом удерживаемую истерику.

...Да, ее зовут Алана Солль. Она удрала из дома, чтобы «покататься с комедиантами». Поначалу друзья-приятели обходились с ней почтительно, но по мере удаления от отчего дома, по мере того, как девочка из благородной семьи превращалась в бродяжку, мир вокруг нее менялся тоже – комедианты возомнили, что она им ровня, а у нее уже не было возможности доказать обратное. А после того, как она предприняла попытку бегства, начался кошмар...

Вряд ли она знала, что такое «раскаianie». Она пребывала в шоке, но дать какую-либо оценку своим похождениям попросту не приходило ей в голову. Зато я – теперь не столько благородный спаситель, сколько будущий муж! – просто обязан был сцепить зубы и воспользоваться ее истерикой, чтобы выяснить немаловажные для себя вещи.

Да, ее били. Заставляли делать черную работу, насмехались; запирали, связывали, не отпускали ни на шаг, плохо кормили. Несколько раз опаивали какой-то снотворной дрянью и прятали в сундук под кучу хлама – по обрывкам разговоров она поняла, что ее ищут и что комедианты боятся. В отчаянии она предприняла еще одну попытку побега – с тех пор ее таскали чуть не на веревке...

Я заставил себя продолжать дознание – ведь, опомнившись, она наверняка перестанет быть откровенной. И я как мог мягко задал ей вопрос, который в других обстоятельствах ни за что бы не сорвался с моего языка, и по реакции ее с облегчением понял, что нет. Обошлось.

То есть ее склоняли к сожительству, и не раз – сперва все подряд, включая горбунью, а потом предводитель дал своей банде понять, что претендует на девчонку единолично. И однажды ночью – как раз накануне моего появления – приступил к делу всерьез. Алана, вне себя от ужаса и от ярости, ненадолго превратилась в бешеную кошку; звать помощников мерзавец постеснялся и сорвал свою злость, избив девчонку чуть не до полусмерти.

Затем случилась встреча на дороге – комедианты смутились, им очень не понравился мой к ним интерес. Алана прожила ночь в страхе и ожидании, а на следующий день, когда ее связали, как животное, и бросили на пол повозки, – на следующий день явился я, и мое появление было как гром...

На этом месте ее рассказа я почти простил Черно Да Скоро его роль кукловода. Что с того, что освобождение Аланы случилось по воле господина мага? А если бы я не отбил ее?

Страшно представить, как сложилась бы ее дальнейшая судьба... Ни одной девчонке, даже самой взбалмошной, я не пожелал бы столь прямолинейного урока.

Она глотала слова вперемешку со слезами, и я видел, что она не врет. Я одновременно радовался и сожалел – радовался, что глупую девчонку хоть в чем-то пощадила судьба, и сожалел, что комедианты ушли живыми. Впрочем... я был близок к тому, чтобы развернуть лошадь. И ринуться за комедиантами вдогонку, и не будь я Рекотарс, если бы я не догнал их. Догнал и...

Я оборвал помыслы о возмездии. Время было успокоить девчонку – и, не без труда переключив ее на другое, я узнал много интересного.

Ее дед был великий маг. Ее отец был легендарный полковник Солль, о котором я даже что-то когда-то слышал; ее старший братец пропал десять лет назад, и, начиная рассказывать о нем, она всякий раз запинаясь и снова давала волю слезам.

Тогда, чтобы высушить эти слезы, я заговорил о Маге из Магов Дамире. О драконе, опустошавшем окрестности замка Химециусов, о копье, пронзившем чудовище, и о давних временах, когда драконов было пруд пруди, но зато господа маги никогда не бывали корыстны. Все знают, что подвиг по убиению дракона славный Дамир совершил бесплатно, безвозмездно и прекрасная дочь Химециуса отдала ему руку не в награду, а повинаясь велению сердца...

Алана очень скоро забыла, как рыдают, и слушала разинув рот. В коридоре гостиницы ругались слуги, под окном бранились коты, в отдалении кто-то колотил молотком о жезл – в нашей маленькой комнатухе было тихо, горел камин и посверкивала глазами тощая девчонка, которой в эту минуту нельзя было дать больше тринадцати. Или мне придется жениться на ребенке?!

Да, она была ребенок, и достаточно скверный – одна эта выходка с побегом из дома говорила о многом.

Она была моя невеста. Одной неотвратимости этого факта хватило бы, чтобы вызвать у меня зубную боль.

* * *

Дверь открыл мрачный слуга; его неопределенного цвета глаза остановились на моем лице, помрачнели еще больше – и вдруг округлились, как блюдца, обнаружив у меня за спиной притихшую Алану.

– Ох... Госпожа!! Госпожа Танталь, сюда!!

Слуга вопил и держался за сердце. Алана крепко взяла меня за локоть – чего доброго, мне придется еще и отбивать ее от домашних строгостей, спасти от праведного ремня...

Откуда-то выскочила румяная девушка – горничная – и тоже завопила, всплескивая руками, как курица. Весь дом потрясенно орал, когда сверху, с высокой лестницы, бесшумно слетела женщина в темном платье, с выразительным, не особенно красивым, но очень запоминающимся лицом.

Первый взгляд – на меня, второй – на Алану, да такой, что девчонка за моей спиной съежилась. Вот это особа, надо сказать. Ураган, а не дамочка. Сестра?..

– Привет, Танталь, – хрипло сказала Алана, не выпуская моего локтя. – Это господин Ретанаар Рекотарс.

– Очень приятно, – сообщила дамочка ровно, как будто негодница Алана каждый вторник возвращается из странствий, ведомая незнакомым мужчиной. И добавила, обернувшись к слугам: – Клов, беги за господином Эгертом. Дюла, приготовь горячей воды... Вы, господин Рекотарс, – я вздрогнул, с таким странным выражением она произнесла мое имя, – будьте добры, входите.

* * *

Я считал своим долгом расписать страдания Аланы таким образом, чтобы никому не пришлось в голову дополнительно ее наказывать. Это оказалось нелишним – потому что маленькая дурочка, гордо замкнувшись, отказалась что-либо объяснять домашним. То была совершенно истерическая гордость; я все вертел головой в ожидании, что вот-вот из дальних комнат появится мать Аланы, уж матери-то грех не поплакаться, кто-кто, а мать должна была немедленно узнать обо всем и все простить. Но Аланина матушка не спешила навстречу блудной дочери, и, хоть это здорово меня смутило, расспрашивать я не стал. Что-то удержало; не тот это был случай, чтобы проявлять любопытство.

Потом явился мой будущий тесть.

Сперва я увидел силуэт в дверном проеме и решил было, что господин Солль молод; потом он шагнул вперед, я разглядел его лицо и понял свою ошибку. Отец Аланы был почти полностью сед, лицо его, когда-то красивое, теперь носило на себе решетку жестких волевых морщин. Я уже уверился в том, что господин Солль стар, но тут он взлетел по лестнице, шагая через две ступеньки; слуга, прибывший вместе с ним, все еще стоял внизу, тяжело дышал и держался за сердце – дыхание же господина Солля не сбилось ни на йоту.

Алана вздернула нос.

В этот момент мне самому захотелось дать ей подзатыльник. После всего, что было, после всего, что пережили ее родичи, – демонстрировать спесь?!

Полковник Солль шагнул к дочери с таким выражением лица, что я не удивился бы, если б он залепил ей пощечину; вместо этого он попросту обнял ее и привлек к себе. Девчонка мгновенно растаяла, будто масло на солнышке, и своим чередом пошли слезы, сопли и естественные в таких случаях слова.

Я перевел дыхание. Вот это было уже вполне по-человечески; вряд ли дело дойдет до ремня, а если и дойдет, то, по крайней мере, на трезвую голову.

Сознавая, что семейные сцены не терпят свидетелей, я потихоньку убрался в какой-то темный уголок. Там меня нашла заплаканная старушка, и нашла, оказывается, затем, чтобы поцеловать руку.

– Спаси вас Небо... Как вы нашу девочку спасли...

Старушка оказалась Аланиной нянькой.

Дом Соллей лихорадило до поздней ночи; около полуночи, когда спасенная Алана почивала на мягких подушках родительского дома, в гостиной состоялся маленький совет.

Полковник Солль был, по-видимому, незаурядным командиром. В самой его манере говорить скользила неуловимая властность, и это притом, что говорил он негромко, мягко, иногда с улыбкой; женщина, которую звали Танталь, больше молчала, и я постоянно чувствовал на себе ее изучающий взгляд.

Я рассказал им первую порцию того, что им следовало знать, – о себе, покинувшем родовой замок ради познавательных странствий, и о комедиантах, не брезгующих самыми грязными делишками. Шишка на темени до сих пор давала о себе знать, а потому, увлекшись, я сообщил все, что думал о комедиантах вообще: о разврате и непристойности, творящихся под размазанными пологам, о кривлянии и пошлости, царящих на подмостках, и о шутовстве, в которое комедианты добровольно превращают свою жизнь.

– Не станем брать во внимание слухи, – я презрительно улыбался, – что комедианты-де воруют детей и делают из них попрошайек, что комедианты приторговывают людьми... Хотя, надо сказать, после истории с Аланой я готов поверить во что угодно. Человеческие отбросы, скитающиеся без приюта и зарабатывающие на жизнь столь низким ремеслом, способны и не на такое...

Мои собеседники слушали внимательно: Солль – с непроницаемым лицом, Танталь – со всевозрастающим странным выражением, которого я, к досаде своей, никак не мог разгадать.

– Господин Рекотарс сделал для нашей семьи так много, что мы не знаем, как его отблагодарить, – сказал Солль, когда мой рассказ о злодеях-комедиантах выдохся. – Может быть, вы подскажете? Чем-то мы можем быть для вас полезными?

Он тактично не говорил о деньгах; возможно, никого бы не удивило, если бы храбрый рыцарь Рекотарс потупился в платочек и скромно попросил пару тысяч золотых – покрыть расходы...

А вот Черно Да Скоро на моем месте и глаз бы не потупил. Гоните, мол, монету, все в мире стоит денег, даже то, что не продается...

Воспоминание о Черно оказалось даже неприятнее, чем я ожидал. В конце концов, то, что я намерен потребовать у этих людей, нельзя положить на весы, как мешок с золотыми...

Некоторое время я колебался: сказать сейчас? Пока они во власти радостного потрясения, пока они согласны на все?

А на все ли? Глядя на полковника Солля, трудно предположить, что он не умеет отказывать... И эта Танталь – ну что она так на меня смотрит?!

Я поерзал в деревянном кресле.

– Господа... Я сделал это потому, что иначе поступить не мог, и будь на месте Аланы бедная сирота... – Тут я запнулся, потому что речь съезжала на патетическую дорожку, а моим собеседникам патетика была ни к чему. – Господа, я сделал то, что сделал, не будем об этом, все хорошо, что хорошо кончается... Единственное, о чем я смел бы вас попросить, – я обвожительно улыбнулся в ответ на настороженный взгляд Танталь, – это приют, потому что сейчас уже поздно, а я не знаю ни города, ни здешних гостиниц...

– Комната для вас давно готова, – сообщил Солль удивленно.

Я поклонился.

* * *

Госпоже Тории так никто и не сказал, в какой переделке побывала ее дочь; утром Алана нашла в себе силы явиться в комнату матери с приветствием и удержать при этом слезы. Госпоже Тории ни в коем случае нельзя было видеть слез – от этого она впадала в глубокую тоску, переставала есть и больше не улыбалась; каждый, входивший в комнату к Тории, обязан был хранить спокойствие.

Алана смутно помнила времена, когда мать ее, легкая, как белка, играла с ней в догонялки на лужайке перед загородным домом. Алана помнила, как руки Тории одним прикосновением снимали боль от ушиба; Алана помнила, как вослед молодой, невысказанно красивой женщине оборачивались прохожие. Алана помнила больше, нежели знал об этом ее отец, но сегодня она сдержала слезы, отыскала в себе спокойствие, надела на лицо, будто маску:

– Доброе утро, мама...

Тория Солль улыбнулась и кивнула. Алана вышла за дверь и несколько секунд стояла, прижавшись лбом к косяку.

– Говорят птенцу – не лети из гнезда, на воле кошки ходят, – бормотала нянька, обращаясь как бы сама к себе. – Ан нет, ш-шу... Полетели...

На полпути в гостиную Алане встретился Ретанаар Рекотарс.

Был ли брат ее, Луар, так уж похож на этого человека, как она себе нафантазировала? Она ведь прекрасно помнит, что Луар был светловолосый и светлоглазый, а глаза Ретано черны до такой степени, что зрачок почти не виден. И в этой сплошной черноте остро посверкивают белые насмешливые звездочки...

Алана перевела дыхание.

Она помнит, что Луар был до невозможности высок. Но ведь самой ей тогда было пять лет, она была пигалицей рядом со взрослым братом... А теперь она выросла, но Ретано все равно кажется ей огромным, как дворцовый шпиль.

Она придумала их сходство?

Может быть, потому, что она помнит тепло и спокойствие, исходившие от старшего брата, и собственное щенячье доверие, и как удобно было обнимать его за шею... Может быть, у нее с Ретано происходит нечто подобное? Она ведь ревела у него на груди, но не испытывает ни стыда, ни смущения, а ведь она никогда не решилась бы так вот плакать в объятиях, например, отца...

– Доброе утро, принцесса. – Рекотарс был серьезен, но белые звездочки в глазах горели ярче обычного.

Как замороженная, она шагнула вперед и протянула ему руку:

– Доброе утро...

– Господин Рекотарс собирается нечто нам сообщить, – суховато сказали за спиной. Алана вздрогнула.

– Вы ведь хотели, господин Рекотарс, чтобы и Алана присутствовала тоже? – Танталь вежливо улыбалась, но Алана, знавшая ее не один год, ясно увидела скрытую за улыбкой насмешку. И напряглась, потому что в умении высмеивать с Танталь не сравнится никто в этом мире, но если она вздумает шутить с Ретано – Алана без предупреждения вцепится ей в волосы. Человек, спасший ее, дравшийся за нее, человек с острыми звездочками в глазах не заслужил ни единого косого взгляда!!

Она чувствовала себя почти оскорбленной. Ее спасителю не оказывали должных почестей. Танталь должна бы пол перед ним мести! Веником!..

– Что же мы стали? – Танталь по-прежнему улыбалась, но улыбка ее была холодна, как покойник. – Господин Эгерт ждет нас в гостинной.

Алана гордо вскинула голову. Ей хотелось взять спасителя под руку – непринужденным жестом, как давнего друга; она почти решилась это сделать – но в последний момент испугалась.

Как будто его рука горячая. Как будто она может обжечься.

* * *

Всю ночь Танталь видела во сне повозки. Пустые повозки на продуваемом ветрами холме, зови – не дозовешься. Люди, когда-то обитавшие под их плотными пологам, давно ушли в никуда, но женщине, бродившей среди вросших в землю колес, мерещились то бречухи, то ломкий мальчишечий голос, то начальственный бас, велящий живее опускать борта и разворачивать кулисы...

Лежали на земле пустые оглобли. Валялась, до половины прикрытая землей, жестяная тарелочка, но вместо звонких монет в ней рос пучок травы. Ветер тербил полы дырявых плащей и истлевших платьев, трогал локоны облысевших париков; мелкий дождь сочился с неба, ветхого, как полог, портил слипшиеся перья на широких шляпах, и человеческая голова из папье-маше безобразно размокла, напоминая капустный кочан...

На рассвете Танталь заставила себя проснуться. Выбралась из сна, как из вязкой жидкости, долго умывалась ледяной водой, потом долго расчесывалась перед зеркалом, удивленно считая первые в ее жизни седые волоски. Небо, эдак к тридцати годам она будет седой, как снежная горка, и на улице ее будут приветствовать почтительно, как богатую старуху...

Она сухо рассмеялась, глядя в глаза своему отражению.

Слишком дорого обошлась история с Аланой. И – как утверждает непогрешимое чутье – обойдется еще дороже. Недаром человек с блестящими черными волосами был вчера так оба-

ятелен и речист. Он притащил за собой тайну, некое непонятное хотение, он нравился Танталь все меньше и меньше, он был – а, вот оно, определение! – он был актер, талантливо играющий предписанную роль...

Она, актриса по призванию, лучшие годы проведенная на подмостках бродячего театра, – она ни в грош не ставила талант лицедея, применяемый в настоящей жизни. Среди людей.

Сон о повозках посещал ее не впервые; всякий раз после него весь день оказывался пропащим, Танталь опускала руки и ждала вечера. Сегодня она не могла позволить себе такой роскоши – черноволосый красавец обосновался в доме, маленькая дура Алана глядела на него круглыми глазами и думала, что умеет скрывать свои чувства. Эгерт... Эгерт так счастлив, что снова не мог спать, он не спит уже пес знает сколько времени, он будет сегодня как пьяный, что бы ни взбрело черноволосому на ум – Эгерт ответит «да», и с радостью...

Этот, с блестящими волосами, спаситель Аланы. А то, что он лицемер и лицедей, – недоказуемо, Танталь не умеет делиться собственным чутьем, она сама не сразу научилась верить интуиции...

...Ее задели его слова о комедиантах? Чушь.

* * *

В гостиной Соллей, такой просторной, что в ней можно было устраивать балы и поединки, меня неудержимо притягивали песочные часы.

То была замечательная вещь. Бронзовые фигурки на подставке можно было разглядывать сколь угодно долго; песок, солнечно-желтый, напоминал о жарких берегах и теплом прибое. Вряд ли я думал о чем-то, когда моя рука взялась за специальную ручку и перевернула изящный корпус, и сверху вниз побежала ниточка песка, такая тонкая, что и разглядеть-то ее было непросто...

Я смотрел на бегущий песок, и волосы у меня на затылке медленно поднимались дыбом.

Нет ничего более жуткого, чем время. Его не видно. Его не ощущаешь; оно кажется безобидным – и потому осознание подлинной его природы приходит, как удар грома. Ты можешь овладеть магией, выстроить дворец и покорить сердца сотни красавиц – а вот поди-ка попробуй втолкнуть песок, горкой лежащий на дне стеклянной чаши, попробуй-ка втянуть его обратно!..

Моя жизнь утекала. Жизни других утекали тоже, но неспешно и незаметно, у них впереди еще немеренные горы песка, и только я, чьи песчинки сосчитаны, понимаю в жизни истинный толк...

– Господа... пусть причиной нашего знакомства послужило несчастье... я все-таки несказанно рад. Род Соллей, – я механически скользнул взглядом по стенам, будто бы в поисках галереи фамильных портретов, – весь этот славный род воплотился сейчас в госпоже Алане, я счастлив был оказать ей услугу... И хоть, повторяю, я сделал бы то же самое для бедной сироты – спасти единственную наследницу Соллей велела мне сама судьба.

«И господин Чонотакс Оро», – добавил я мысленно.

Показалось мне – или мои собеседники поскущели? В особенности эта особа, с запоминающимся лицом и не менее запоминающимся именем, Танталь? Что я сказал не так? Или Алана не единственная наследница?

Ах да. Они, вероятно, скорбят о ее пропавшем брате, мне следует осторожнее выбирать выражения...

Я перевел взгляд на Алану – и беспокойство мое улеглось.

Бедная девочка. Она не умеет ни скрыть своей влюбленности, ни даже выказать ее должным образом. Она сидит, надувшись как сыч, сверкает красными раскаленными ушами и бурлит меня неотрывным взглядом. Хотя большинство девиц в ее возрасте прекрасно разбираются в науке кокетства...

– По правде говоря, – сказал я скромно, – мой род, род Рекотарсов, не уступает в славе роду Соллей... Корни моих предков уходят в глубь веков, но собственно основателем рода считается Маг из Магов Дамир. – Я выдержал эффектную паузу.

Алана прерывисто втянула в себя воздух.

– У вас в роду были маги? – удивился Солль.

Танталь молчала. Интересно, что я до сих пор не знал, кем она приходится Алане. Может быть, мачеха? И мои разглагольствования относительно наследников каким-то образом задевают ее?..

– У меня в роду, – я ободряюще улыбнулся Алане, – не просто маг, а Маг из Магов, Великий Дамир, и первым, что он сделал на земле своего будущего тестя, было истребление кровожадного дракона... На этот счет есть свидетельские показания, гравюры и документы. Один из них, Грамоту, я постоянно вожу с собой в странствиях – мало ли что может случиться?

– Случиться с кем? – спросила Танталь.

У нее было странное выражение лица. Как будто она собирается расплакаться.

– Я допускаю, что родовой замок Рекотарсов, – я выдержал новую паузу, – может в один прекрасный день сгореть. Но я не хотел бы, чтобы Грамота, свидетельствующая о доблести моего предка, сгорела вместе с ним...

Алана полуоткрыла рот. Я отвел взгляд – сейчас она была некрасива. Просто глупый подросток.

– Танталь, – Солль обернулся к женщине, – ты лучше меня знаешь историю древних магов. Вероятно, ты встречала в книге имя господина Дамира?

Я ощутил неприятный укол самолюбия. Что значит «встречала в книге»? Стоп, а не та ли эта книга «О магах», которую так жаждет заполучить мерзавец Черно?

Раньше я об этом не думал, но, в конце концов, если это мало-мальски серьезное исследование, то имя Дамира должно встречаться там на каждой странице...

Я заставил себя улыбнуться:

– Господа, о какой книге речь?

Они ответили одновременно.

– Мой тесть был декан Луаян, – сказал Солль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.